

Л.Б. Гмыря

**ПАЛАСА-СЫРТСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК IV–V ВВ.:
130 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Так случилось, что известный специалист в области археологии эпохи бронзы Дагестана, д.и.н., профессор Магомед Гаджиевич Гаджиев (1935–2003) принял непосредственное участие в судьбе Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., оставленного кочевниками эпохи Великого переселения народов на возвышенности Паласа-сырт, в низовьях р. Рубас.

Магомед Гаджиевич относился к когорте тех редких ученых, про которых принято говорить: «археолог от Бога». В своей сложной профессии он обладал не только глубокими знаниями историка, основательными навыками раскопщика и широким кругозором эрудита, но он был наделен от природы чутьем ученого, который, не имея прямых доказательств, может понять ход исторического процесса по наитию, как бы видя то, что другие не хотят или не могут видеть в силу инертности мышления. Он всегда искал в научном творчестве нестандартных решений, тех, которые приводят к качественным сдвигам в науке.

В силу особенностей своего мышления Магомед Гаджиевич был нетороплив в выводах, но основателен в них. Он долго прислушивался к новым идеям, зародившимся в голове, перепроверял их, убеждая себя в их истинности, а потом «проигрывал» на своих друзьях-коллегах, и только после этого выносил на более широкое обсуждение – семинары, конференции, публиковал. Он, как ребенок, становился растерянным и недоумевал, когда к тому, что он видел воочию, относились недоверчиво, скептически или отвергали вовсе. В таких случаях Магомед Гаджиевич уходил в «глубокую оборону», искал новые доказательства, приводил более убедительные доводы, но никогда не отказывался от того, в чем был убежден.

Будучи крупным специалистом в области археологии бронзового века Кавказа, он достаточно хорошо был знаком и с проблемами истории и археологии Дагестана ранне-средневекового периода, т.к. в его жизни и научном творчестве выдался этап, когда он вплотную занялся изучением серии городищ и поселений этого времени, находившихся на его малой родине – вблизи родного селения Охли (Левашинский р-он РД). А именно, тех памятников, которые он знал с детства, и тайны которых ему пришлось раскрывать, будучи маститым ученым. Но талантливый исследователь может «врезаться» в любую тему и осилить ее.

Писать о внутреннем процессе научного творчества исследователя, который практически недоступен постороннему взгляду, позволяет мне долгое время (с 1969 г.) общение с Магомедом Гаджиевичем в поле на раскопках, в родном институте, где он выносил свои работы на обсуждение коллег, и просто в товарищеских беседах, когда мне было необходимо узнать его мнение о своих научных наработках, проверить убедительность доводов. Он с готовностью и внимательно выслушивал меня, ему всегда были интересны новые идеи и творческие находки коллег.

Когда в 1993 г. неожиданно для меня встала проблема выбора ответственного редактора моей первой монографии «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники», я без колебаний обратилась с этой просьбой к Магомеду Гаджиевичу Гаджиеву. Ситуация тогда сложилась патовая. Рукопись уже была подготовлена к производству, а научный руководитель моей кандидатской диссертации, д.и.н. Светлана Александрова Плетнева, согласившись быть ответственным редактором этой книги, в последний момент отказалась от этого, сославшись на какие-то мои недоработки. Она была очень требовательным человеком и принципиальным ученым. Ма-

гомед Гаджиевич отнесся к моей просьбе неформально. В очень короткие сроки он прочел рукопись, сделал незначительные замечания, хотя сознался, что лично он рассмотрел бы поднимаемые мною проблемы в несколько ином ракурсе.

Книга вышла в свет, она мне очень дорога, и я горжусь ею. В ней подведены итоги моих широкомасштабных раскопок Паласа-сыртского курганного могильника, на котором в 1981–1986 гг. было исследовано 64 подкурганных захоронения. Самое главное, был введен в научный оборот вполне солидный блок источников о крупном некрополе Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов, сведения о котором были недостаточными и малодоступными. Я не знаю в Дагестане ни одного могильника, материалы которого были изданы таким же образом, как Паласа-сыртского курганного могильника.

Монография «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники» до сих пор востребована специалистами, хотя после ее издания прошло 18 лет. Я не подвела ни моего научного руководителя Светлану Александровну Плетневу, ни моего коллегу и старшего товарища Магомеда Гаджиевича Гаджиева, который своим именем и авторитетом гарантировал моему творению выход в мир науки. Много лет спустя Светлана Александровна сказала мне, что моя книга – это добротная публикация археологических материалов Паласа-сыртского могильника. Мне было и приятно слышать это от нее, и немного горько – она не разглядела в моем детище творческого начала. Магомеду Гаджиевичу я благодарна за его поддержку и доверие.

Сейчас, когда прошло 130 лет с начала исследований Паласа-сыртского курганного могильника и когда мы уже так много знаем о людях, которые полторы тысячи лет назад предали земле своих умерших сородичей на возвышенности Паласа-сырт вблизи р. Рубас, и можно уже подвести какие-то итоги и обозначить дальнейшие перспективы изучения этого важного памятника, я приношу дань уважения и признательности Магомеду Гаджиевичу Гаджиеву – незаурядному ученому и достойному человеку, имеющему непосредственное отношение к изучению этого уникального памятника истории Дагестана, а по большому счету, и к моей судьбе археолога.

* * *

Паласа-сыртский курганный могильник – один из крупнейших на Северном Кавказе некрополей эпохи Великого переселения народов, материалы которого являются эталонными для изучения этнических особенностей и социальной структуры политических образований кочевников Западного Прикаспия. Они также способствуют решению широкого спектра проблем истории Юго-Восточной Европы времени движения гуннов.

Могильник расположен в 30 км к югу от г. Дербента, в низовьях р. Рубас, вблизи сс. Рубас и Коммуна Дербентского р-она Республики Дагестан. По данным космосъемок, на могильнике сохранилось свыше 2-х тыс. курганов. Обширное могильное поле размером 5×1 км занимает северную часть Паласа-сыртской возвышенности (высота 130–140 м), протянувшейся узкой полосой (15×5–7 км) вдоль южного завершения Приморской низменности в направлении ССЗ–ЮЮВ. Могильник расположен на двух крупных изолированных массивах возвышенности, выработанных широкой долиной р. Рубас. На левобережном массиве сформировался его северный участок протяженностью 2 км, на правобережном – южный протяженностью 3 км. Курганы находятся на поверхности возвышенности и у ее подножия (нижняя терраса), насыпи – маловыразительные, расплывчатые, они в основном невысокие (0,5–1 м), но встречаются также сверхмалые курганы (0,1–0,2 м) и относительно высокие (1,1–1,7 м) при диаметре 5–15 м. Плотность их нахождения на нижней террасе могильника очень высокая (расстояние между насыпями 1–2 м), на поверхности возвышенности курганы расположены более разреженно (Рис. 1–2). Захоронения на могильнике произведены в погребальных сооружениях трех типов – катакомбах, подбойных могилах и ямах. Выявлено одно погребение в каменном ящике. К настоящему времени раскопано 149 курганов (7,1% от общего количества).

Раскопки Паласа-сыртского курганного могильника были начаты 130 лет назад Н.О. Цилоссани, который в 1880 г. в рамках подготовки V Археологического съезда в Тифлисе

вскрыл на обоих его участках методом колодца 21 курган*, выявив 19 погребений (Рис. 3,1,6; 4,1; 5), совершенных, по заключению исследователя, в катакомбах**. В материалах V Археологического съезда был издан отчет Н.О. Цилюссани о раскопках могильника, снабженный планами и разрезами 6-и погребений (*Цилюссани Н.О.*, 1882. С. 462–474. Табл. XXVII–XXVIII), иллюстарции инвентаря не представлены***. В 1902 г. графиня П.С. Уварова, характеризуя коллекцию Кавказского музея, привела перечень некоторых видов инвентаря из погребений Паласа-сыртского могильника, коллекция которого была передана на хранение в этот музей (*Уварова П.С.*, 1902. С. 173–177). Предварительная датировка исследованных Н.О. Цилюссани погребений Паласа-сыртского могильника была установлена графом А.С. Уваровым в пределах VI в., его особое внимание привлекли погребения с разрозненными костными останками, ошибочно определенные как захоронения «с расчленением» (*Уваров А.С.*, 1887. С. 61–75)****.

Полное описание погребений могильника, исследованных Н.О. Цилюссани, приведено в моей книге (кк. №№ 67–87) (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 123–133). Меры длины (сажень, аршин, вершок), в которых даны параметры погребальных сооружений в публикации Н.О. Цилюссани, переведены в современную метрическую систему. Некоторый инвентарь из раскопок Н.О. Цилюссани опубликован В.Б. Ковалевской (*Ковалевская В.Б.*, 1981. Рис. 62, 2,5,9–11). В монографии М.П. Абрамовой воспроизведены иллюстрации Н.О. Цилюссани с планами и разрезами 5-и погребальных сооружений (курган им. гр. Уварова, курган им. А.В. Комарова, курганы «с», «к», «л»), к которым добавлены неполные комплексы выявленного инвентаря (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 57; 58,2–5,7,8,10; 59,2–10).

По данным Н.О. Цилюссани, в катакомбном погребении кургана «с» были обнаружены фрагменты бронзовых пластинок с остатками древесного тлена на обратной стороне, два бронзовых крючка, металлическая гиля с ушком и отверстием и «несколько вещей от пояса» (*Цилюссани Н.О.*, 1882. С. 465; *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 124). В перечне вещей этого кургана П.С. Уваровой указаны бронзовые литые пряжки круглорамчатой формы и лунообразный бронзовый набор (*Уварова П.С.*, 1902. С. 174). В работе М.П. Абрамовой помещены рисунки 3-х вещей этого комплекса: бронзовой накладки-луницы и двух бронзовых поясных пряжек (мелкой и крупной) овальнорамчатой формы с язычками хоботовидной формы (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 58,2–4) (Рис. 3,2–4).

В катакомбном погребении кургана «к» инвентарь, по данным Н.О. Цилюссани, состоял из глиняного кувшина с пищей, железного кинжала, трех бронзовых литых пряжек круглорамчатой формы, одна из них небольшая, обломка от поясного набора шашки, бабки от барана, пластинки слоновой кости со сквозной резьбой и обломков железных вещей в виде подков (*Цилюссани Н.О.*, 1882. С. 470; *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 128). Обломки железных вещей П.С. Уварова описала как обломки железных ножей, колец удила (*Уварова П.С.*, 1902. С. 174). В работе М.П. Абрамовой помещен рисунок бронзовой лучковой фибулы с подвижным приемником и проволочной обмоткой спинки (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 58,5) (Рис. 3,5). Изображен также обломок костяной пластины с пунсонным резным орнаментом на поверхности (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 58,10), но не указано происхождение этой вещи. Возможно, она выявлена в кургане № 3, где, по данным Н.О.

*Исследователем раскапывалась только центральная часть насыпи кургана, что ограничило степень информативности археологических объектов; в 2-х курганах погребения не были обнаружены.

**Анализ данных показывает, что три из них были произведены в подбойных могилах.

***Использование отчетных данных Н.О. Цилюссани сопряжено с большими трудностями, т.к. исследователем недостаточно четко описываются конструкции погребальных сооружений и выявленный инвентарь.

****Десять погребений из 19 выявленных Н.О. Цилюссани были ограблены в древности, в результате чего полностью или частично нарушен анатомический порядок останков погребенных. К погребальному обряду это состояние останков отношения не имеет.

Цилоссани, среди инвентаря имелась целая пластинка из кости и еще два обломка (См. *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 132).

В катакомбном погребении кургана «I» инвентарь, по данным Н.О. Цилоссани, включал поломанные серьги (П.С. Уварова описала их как привеску, инкрустированную цветными стеклами), бронзовое кольцо с шишечкой наверху, бронзовое зеркало с петлей для подвешивания, украшенное геометрическим орнаментом, бронзовую иглу и железный нож (См.: *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 129). В работе М.П. Абрамовой инвентарь из кургана «I» обозначен, как происходящий из кургана № 1. Он представлен рисунками трех вещей – бронзового кольца с выступом, бронзовой подвески, инкрустированной стеклами красного цвета? и бронзового зеркала с центральной петлей для подвешивания с рельефным геометрическим орнаментом в виде радиальных линий (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 58,7–9) (Рис. 3,7–9).

В катакомбном погребении женщины кургана им. ген.-лейт. А.В. Комарова, по данным Н.О. Цилоссани, инвентарь включал серьги (П.С. Уварова описывает их как височные кольца с бронзовой бусиной на конце), небольшую бронзовую пряжку, крупную поясную бронзовую пряжку круглорамчатой формы, золотую брошь круглой формы с вставкой из сердолика, бусы (2 экз. из желтой и белой глины, 4 экз. янтарных, 1 экз. костяной, 5 экз. стеклянных, 1 экз. из смальты белого цвета с неправильными коричневыми полосками), небольшой глиняный кувшин красного цвета с отломанной ручкой, большой глиняный кувшин, сгнившую доску с 12 шашками (5 экз. круглых и 7 экз. четырехугольных; две шашки круглой формы отмечены тремя точками, на двух шашках четырехугольной формы имелась отметка в виде точки, одна четырехугольная шашка отмечена пятью точками), железный нож, глиняное пряслице, бронзовое зеркало с центральной петлей для подвешивания, украшенное геометрическим орнаментом, а также железную иглу и обломок стеклянного кольца (См.: *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 130–131).

В монографии М.П. Абрамовой представлены рисунки 2-х бронзовых пряжек, бронзового зеркала с геометрическим орнаментом в виде кругов и радиально расходящихся линий, 2-х костяных шашек (круглой и четырехугольной с отметинами) и 4-х бусин (2-х янтарных и 2-х стеклянных зеленого цвета) (*Абрамова М.П.*, 2007. Рис. 59,2–10) (Рис. 4).

Долгое время материалы раскопок Н.О. Цилоссани Паласа-сыртского могильника не были востребованы. В 1953 г. В.Г. Котович, проводя разведки археологических памятников в Южном Дагестане, раскопал на обоих участках могильника так же, как и Н.О. Цилоссани, методом колодца 5 курганов, выявив 4 захоронения в катакомбах* и датировав их IV–VII вв. (*Котович В.Г.*, 1959. С. 148–156. Табл. X–XII) (Рис. 6–7). Материалы из раскопок Н.О. Цилоссани им не привлекались.

Погребальный инвентарь был обнаружен в 4-х погребениях (кк. №№ 1–4). В сводной таблице инвентаря в публикации В.Г. Котовича помещены рисунки вещей 2-х погребений (кк. №№ 1–2) и в неполном объеме (*Котович В.Г.*, 1959. Табл. XIII).

В парном катакомбном погребении кургана № 1 при мужском скелете находилась бронзовая поясная пряжка овальнорамчатой формы с хоботовидным язычком (*Котович В.Г.*, 1959. Табл. XIII, 19) (Рис. 6,3). При женском скелете находилось 50 костяных и стеклянных бусин, железное кольцо, железная фибула, бронзовое зеркало с центральной петлей для подвешивания, украшенное радиальными линиями. В работе В.Г. Котовича помещен рисунок только зеркала (*Котович В.Г.*, 1959. Табл. XIII, 28) (Рис. 6,4).

В катакомбной камере кургана № 2 находилось трое погребенных – взрослый, подросток-девочка и ребенок 3–4-х лет. Среди разрозненных костей взрослого (погребение 1) были обнаружены остатки чаши, изготовленной из деревянной коры, и прикрытой деревянной крышечкой, кусок полуистлевшей кожи, несколько кусочков мела, бронзовая височная привеска с полый бусиной кубической формы, инкрустированная кусочками стекла, раковина Каури (*Котович В.Г.*, 1959. Табл. XIII, 21, 24) (Рис. 8, 24–25). Видимо, в со-

* Погребение в кургане № 4, судя по размерам входа в погребальную камеру (1,1 м), было совершено в подбойной могиле.

став инвентаря взрослого погребенного входила еще одна височная привеска аналогичной формы, обломки которой были выявлены в насыпи кургана № 2 (Котович В.Г., 1959. С. 149). В.Г. Котович отметил, что обломки височной привески представляли собой полукольцо, «на которое надеты несколько бронзовых квадратных пластинок, остатков развалившейся кубической привески, надевавшейся на полукольцо» (Котович В.Г., 1953. С. 72). Данному погребению, возможно, принадлежала и бронзовая фибула с подвязным приемником и проволоочной обмоткой на дужке, также выявленная в насыпи кургана (Котович В.Г., 1959. С. 149. Табл. XIII,2) (Рис. 8,18). Обе вещи (височная привеска и фибула) находились, видимо, в грабительской яме.

Инвентарь подростка-девочки (погребение 2) включал большое количество вещей: 36 мелких стеклянных бусин (Котович В.Г., 1959. С. 151), комплект из 300 бусин и бисера (гагат, сердолик, коралл(?), стекло), бронзовых разделителей (Котович В.Г., 1959. С. 151. Табл. XIII, 3–12, 15) (Рис. 8, 1–11), 6 экз. бронзовых подвесок с отверстием (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII,13) (Рис. 8,12), 3 экз. стержневых бронзовых подвесок с петлей и одним или несколькими спаянными шариками на конце (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII, 14, 16) (Рис. 8, 13–14), бронзовый втульчатый двуперый наконечник стрелы с отверстием для подвешивания (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII,17) (Рис. 8,15), бронзовый игольник (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII,2) (Рис. 8,16), бронзовую и серебряную лучковые фибулы с подвязным приемником (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII. 1) (Рис. 8, 17), поясную круглорамчатую пряжку из раковины с бронзовым язычком (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII,18) (Рис. 8,19), серебряные копоушку, зубчистку и ложечку с отверстиями и петельками для подвешивания (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII. 22,23,25) (Рис. 20–22), бронзовое зеркало с центральной петлей для подвешивания с рельефным орнаментом в виде звезды (Котович В.Г., 1959. Табл. XIII. 27) (Рис. 8,23), железную трубку длиной 7 см, бронзовую бусину, стеклянное кольцо коричневого цвета с окислившимся железным стержнем (возможно, за стекло были приняты окислы железа).

В монографии М.П. Абрамовой к инвентарю погребений кургана № 2 ошибочно причислен сероглиняный кухонный горшок с петлевидной ручкой (Абрамова М.П., 2007. Рис. 56,20), выявленный в катакомбном погребении кургана № 4 (Котович В.Г., 1959. С. 153. Табл. XIII. 26; Гмыря Л.Б., 1993. С. 123).

В.Г. Котович связал катакомбные погребения Паласа-сыртского курганного могильника с маскутами, которым армянская историографическая традиция V–VII вв. (Фавстос Бузанд, Моисей Хоренский, Мовсес Каланкатуаци) приписывала варварский характер казни епископа Григориса (320–337), просвещавшего в 30–40-х гг. IV в. племена номадов, обитавших у северо-восточных границ Кавказской Албании*. Этот вывод был поддержан В.А. Кузнецовым, включившим Южный Дагестан в район распространения аланской культуры (Кузнецов В.А., 1961. С. 266–269; 1962), исходя из отождествления алан и маскутов Фавстоса Бузанда с массагетами Геродота и Страбона, обитавшими к востоку от Каспийского моря и закончившими свой исторический путь в III в. до н.э.**

* По данным армянского историка V в. Фавстоса Бузанда, епископ Григорис пытался обратить в христианскую веру племена, входившие в состав «страны маскутов», располагавшейся в первой пол. IV в. на побережье «...великого северного моря...», имея в виду Каспийское море. Анализ данных источника показывает, что деятельность епископа была направлена в основном на племена гуннов, составлявших войско царя маскутов и досаждавших Армении грабительскими набегами (См.: Гмыря Л.Б., 2009 б. С. 87–102).

** Традиция считать алан потомками массагетов основана на прямом восприятии указания Кассия Диона: «...аланы (они же массагеты)...» (рассказ о набегах алан в 136 г. на Закавказье) и зависящей от него информации Аммиана Марцелина о «...стране албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами...» (рассказ о походе Помпея против албанов и иберов в 66 г. до н.э.) (Библиографию см.: Гмыря Л.Б., 2009б. С. 97–101). Сравнить малоизвестный этнос номадов с ранее существовавшим, исходя из схожести образа жизни, нравов и обычаев, было распространенным приемом в греческой, римской и византийской историографии. Идентичность алан и массагетов у Кассия Диона – один из примеров такого приема.

В 1981 г. через территорию Паласа-сыртского могильника была проведена линия магистрального газопровода, по трассе которого были уничтожены все курганы. Новостроечной экспедицией ИИАЭ ДНЦ РАН было исследовано 19 полуразрушенных курганов, примыкавших к пронивелированной трассе газопровода (15 курганов на северном участке могильника и 4 кургана на южном) (*Гмыря Л.Б.*, 1985; 1987; 1993. С. 44–72. Рис. 3–7, 8(1–3), 9(1–4), 10,11(1–2, 6–7), 12,13(3–5) (Рис. 9–10). В 1982–1986 гг. проводились стационарные раскопки могильника. На северном участке были исследованы четыре обособленные группы курганов, включавшие 41 курган; на южном участке – один курган. (*Гмыря Л.Б.*, 1985. С. 147–159; 1987. С. 72–89; 1993. С. 72–117. Рис. 8(4–6), 9(5–10), 11(3–5), 13(1–2), 14–27) (Рис. 11–15). В результате этих работ на северном участке могильника помимо катакомбных захоронений были впервые открыты подбойные и ямные захоронения (*Гмыря Л.Б.*, 1993. Рис. 15(1–7), 16, 17(1–3), 18(1–2), 23, 24(5–7), 26, 27(26–28) (Рис. 13, 14, 15(26–28), прослежен генезис его формирования, а также обозначены особенности погребального обряда на различных частях могильного поля. Была установлена также определенная зависимость содержания компонентов погребального обряда от социального статуса погребенных (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 179–198. Рис. 30, 31. Табл. 16–20).

Раскопки курганного поля обособленными группами захоронений позволили решить ряд проблемных вопросов. Материалы, полученные при исследовании погребений этих групп, показали, что формирование могильного поля на левобережном массиве возвышенности началось у его подножия, затем могильник расширился к востоку, заняв всю нижнюю террасу, а на позднем этапе была освоена северная часть подножия возвышенности. Развитие погребального обряда на северном участке могильника шло от многообразия форм погребальных сооружений (катакомбы трех типов, подбои, ямы) и неустоявшейся ориентировки погребенных в пределах группы (ЮЮВ; ЮВ; ЮЮЗ; Ю) к однотипности погребальных сооружений (катакомбы одного типа с поперечным расположением погребальной камеры относительно входной ямы) и выдержанности ориентировки погребенных (ЮЗ; ЮЮЗ); от многообразия особенностей погребального обряда (растительная подстилка в камере, подсыпка мелом ее пола) к их практическому отсутствию. Была установлена также определенная зависимость содержания компонентов погребального обряда от социального статуса погребенных. Если в ранней курганной группе № 1 мужчины были захоронены в катакомбах различных типов, женщины – в подбойных могилах и ямах; захоронения на участке производились по семейному принципу (могила главы семейной группы фиксировалась наиболее крупным курганом, удаленность от него других захоронений манифестировала степень родственных связей); богатый декор костюма отмечал высокий статус погребенного, то в поздней курганной группе № 4, расположенной на северной оконечности левобережного участка могильника, все захоронения были произведены в однотипных погребальных сооружениях – катакомбах с поперечным расположением погребальных камер, ориентированных в одном направлении (СВ–ЮЗ); курган главы семейной группы незначительно выделялся среди других, но находился в центре территории, остальные погребения группировались около него. Высокий статус погребенного отмечался престижным декором костюма и наличием предметов вооружения (*Гмыря Л.Б.*, 1993. Рис. 14, 21, 27(1–25) (Рис. 11, 12, 15(1–25)).

Вещевые комплексы исследованных погребений представлены керамикой (кувшины, горшки, очень редко кружки), оружием (мечи, кинжалы, очень редко наконечники стрел), предметами одежды (поясные пряжки из бронзы и железа, наконечники ремня, височные привески из серебра и бронзы, фибулы из серебра, бронзы и железа), украшениями (серьги, броши, бусы), металлическими зеркалами.

Новые материалы Паласа-сыртского могильника (раскопки 1981–1986 гг.) с привлечением данных из раскопок 1880 и 1953 гг. были систематизированы в монографическом исследовании Л.Б. Гмыри «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники», в котором охарактеризован погребальный обряд населения, проведена классификация инвентаря, установлена хронология памятника в пределах конца IV – первой пол. V в., с привлечением данных письменных источников обозначен полиэтни-

ческий состав погребенных: в формировании могильника участвовали как местные племена, так и номады времени Великого переселения народов (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 44–267, 278–308. Рис. 2–31. Табл. 1–20).

Одновременно с исследованием Паласа-сыртского могильника в 1985–1987 гг. проводились раскопки одноименного поселения IV–VI вв., занимавшего прибрежный мыс правого берега р. Рубас вблизи южного участка могильника. В 3-метровых отложениях культурного слоя были выявлены остатки юртообразных жилищ, хозяйственные ямы (зернохранилища, мусоросборники), обнаружены разнообразные изделия из кости, рога (концевые накладки луков, проколки, иглы, наконечники стрел), камня (обломок каменной литейной формы с двусторонним орнаментом для отливки зеркал с центральной петлей), собрана значительная коллекция керамики (15 тыс. обломков). Определяющий тип керамики Паласа-сыртского поселения из слоя IV–V вв. соответствовал наиболее часто встречаемым образцам в вещевых комплексах одноименного могильника (красноангобированные кувшины с шаровидным туловом и цилиндрической формы горловиной (*Гмыря Л.Б.*, 1988. С. 36–46; 1989. С. 77–97; 1990. С. 254–259; 1991. С. 182–189; 1999. С. 35–37; 2005. С. 147–165).

В 1988 г. исследования Паласа-сыртского могильника и одноименного поселения были свернуты в связи с прекращением бюджетного финансирования экспедиционных работ. В 90-е гг. через территорию могильника был проложен магистральный нефтепровод большого диаметра, при нивелировке трассы которого было уничтожено большое количество курганов.

В 2006–2009 гг. на Паласа-сыртском могильнике были проведены раскопки 48 курганов, находившихся на вдольтрассовых линиях электропередач и в охранной зоне нефтепровода (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2006; 2007; 2008; *Гугуев Ю.К. и др.*, 2010). Зачастую хозяйственная деятельность собственников путеводов осуществляется в зоне нахождения могильника без согласования с государственными органами. В 2008 г. при проведении на нефтепроводе профилактических работ было уничтожено значительное количество курганов. Охранными раскопками в режиме постфакта удалось исследовать 34 кургана (20 – на северном участке и 14 – на южном) (*Л.С. Ильюков, В.Ю. Малашев*).

Охранные раскопки 2006–2009 гг. дали новые интересные материалы, касающиеся главным образом характера погребального обряда и материальной культуры населения, участвовавшего в формировании Паласа-сыртского курганного могильника (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2006. С. 137–154. Рис. 1–12; 2007. С. 128–133. Рис. 1–3; 2008. С. 94–105. Рис. 1–6; *Гмыря Л.Б., Магомедов Р.Г.*, 2007. С. 64–74; *Гугуев Ю.К. и др.*, 2010. С. 283–299. Рис. 1–8). На основе богатых комплексов отдельных погребений (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2006. С. 138–143. Рис. 1–2, 5–10) (Рис. 16–23) была проведена реконструкция женского престижного костюма (*Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.*, 2007. С. 160–173; *Гмыря Л.Б.*, 2008. С. 129–132; 2009а. С. 57–72).

Незначительное количество исследованных в рамках названных экспедиций погребений могильника – 134 кургана (6,7%), обусловило ряд проблем. В первую очередь, скудная источниковая база памятника препятствует проведению широких статистических обобщений относительно исторического и культурного развития кочевых сообществ Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов (*Коробов Д.С.*, 1998. С. 257–259). На современном этапе исследования могильника актуальным является значительное накопление артефактов, их систематизация и всесторонняя интерпретация. В литературе все чаще поднимается вопрос о пересмотре хронологии памятника в сторону его удревления до предгуннского времени (IV в.), что связано с определением облика памятника как бесспорно монокультурного (аланская культура) (*Абрамова М.П., Малашев В.Ю.*). Устанавливается несомненная преемственность Паласа-сыртского могильника с Львовскими курганными могильниками в Северном Дагестане с неотчетливой хронологией (*Абрамова М.П. и др.*, 2000. С. 68; 2001. С. 56; 2004. С. 62; *Абрамова М.П.*, 2007. С. 91, 103–106; *Малашев В.Ю.*, 2008. С. 162–164; *Гугуев Ю.К. и др.*, 2010. С. 283–285). В качестве источниковой базы Паласа-сыртского могильника в публикациях привлекаются в ос-

новном материалы охранных раскопок 2008–2009 гг., которые в силу диффузного характера информации* не могут с достаточной полнотой отражать типичные черты этнокультурного облика населения.

Учитывая особенности памятника (обширность площади могильного поля, его значительная протяженность в широтном направлении, наличие 2-х обособленных участков, объемный массив погребений – более 2-х тыс. курганов), наиболее продуктивными представляются раскопки обособленных групп курганов, материалы которых, по существу являясь закрытыми комплексами, дают возможность достаточно достоверно определить содержание материальной и духовной культуры сообществ кочевых племен Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов (социальное устройство, быт, религиозные верования и др.).

В 2009 г. научный проект «Археологические исследования Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.», предусматривавший раскопки на южном участке могильника компактной курганной группы № 1, был поддержан РГНФ (проект № 09-01-18014е, руководитель Л.Б. Гмыря). Он был направлен на решение конкретной проблемы – «Этнокультурные особенности и социальная структура политических образований кочевников Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов».

Южный участок могильника в сравнении с северным исследован слабо, в разные годы на его территории было раскопано 35 курганов против 99 на северном участке (20,6% от 134 исследованных вне рамок проектов РГНФ). Раскопки компактных курганов групп на южном участке не проводились, хотя визуальными наблюдениями фиксировалось их наличие в структуре могильного поля. Материалы раскопок отдельных курганов (№№ 193, 166, 190, 176) явственно демонстрировали социальную градацию погребенных, в том числе престижный характер некоторых захоронений (Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2007. С. 160–173. Рис. 1–2; Гугуев Ю.К. и др., 2010. Рис. 1,5).

Курганная группа № 1, включавшая 9 курганов (кк. №№ 218, 219, 228–233, 231А), входила в состав крупного обособленного участка могильника (107 курганов), протянувшегося вдоль восточного края правобережного массива возвышенности в виде полосы длиной 3 км при ширине 150–300 м (Гмыря Л.Б. и др., 2009. С. 90–107). На его территории просматривается более десятка курганов групп. Естественными границами между ними являются древние глубокие балки или лощины, изрезавшие восточный край правобережного массива возвышенности в поперечном направлении. Маркерами обособленных участков захоронений служили искусственные сооружения – крупные курганы эпохи ранней и средней бронзы, расположенные по восточному краю правобережного массива возвышенности (Гугуев Ю.К. и др., 2010. С. 285. Рис. 6). Курганы конца IV–первой пол V в. расположены рядом с отдельными курганами или группой курганов эпохи бронзы.

Курганная группа № 1 находилась вблизи очень крупного кургана эпохи бронзы (кк. № 215). Она включала 3 относительно крупных кургана (выс. 0,9–1,2 м), 5 средних (выс. 0,6–0,85 м) и один – небольшой (выс. 0,3 м). Центральное положение в группе занимал курган № 231 (выс. 1,2 м, диам. 13,3 м), другие располагались радиально от него к С, З и Ю. Близкое к центральному кургану положение (15–20 м) занимали 5 курганов, 2 находились на расстоянии 34–37 м от него, один был удален на 52 м (Гмыря Л.Б. и др., 2009. С. 91. Рис. 1).

В 2009 г. было раскопано 5 курганов, располагавшихся к северу и западу от центрального кургана № 231 (кк. №№ 231А, 228, 218, 229, 219). В 2010 г. (проект РГНФ № 10-01-18057е, руководитель Л.Б. Гмыря) был исследован центральный курган № 231 и курганы, находившиеся к югу от него (кк. №№ 230, 232, 233) (Гмыря Л.Б., 2011а. С. 101–120). Под курганами находились в основном индивидуальные захоронения, исключение

*К примеру, протяженность территории могильного поля южного участка могильника, на котором проводились охранные раскопки в 2008 г., составляет более 600 м, расстояния между курганами в ряде случаев – 120, 210 и 300 м.

составлял курган № 230, включавший 2 захоронения, причем одно из них было парным (к. № 230, п. 1) (*Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 101. Рис. 1А).

На исследованном участке могильника (курганная группа № 1) были захоронены члены одной социальной группы, причем женские погребения были произведены к З и Ю от центрального погребения, мужские – в основном к СЗ от него. Среди погребенных находились представители разных возрастных групп – детской (ребенок 8-и лет; 2-е девочки-подростки 13–15 и 12–13 лет); среднего возраста (2-е мужчин 35–45 лет и одна женщина 40–45 лет) и старшего возраста (2-е мужчин 45–55 лет, в том числе захороненный в центральном кургане № 231) (*Гмыря Л.Б. и др.*, 2009. С. 91–99. Рис. 3, 5–7; *Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 101–111. Рис. 2, 5, 6). В погребениях мужчин старшего возраста не было черепов. Сохранившиеся черепа пяти погребенных имели следы круговой деформации. Пол и возраст погребенных практически не влияли на параметры курганов, но высота и диаметр насыпей определялись социальным положением погребенных и, возможно, степенью родственной близости с погребенным в центральном кургане. Половозрастные данные о трех погребенных не могут быть установлены из-за отсутствия костных останков (кк. №№ 231А; 230, п. 1–2) (*Гмыря Л.Б. и др.*, 2009. С. 91–94. Рис. 2; *Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 104–108. Рис. 3–4). Возраст погребенных дает основание определить причины их смерти как естественные (болезнь), а не насильственные.

Черты погребального обряда, зафиксированные в курганной группе № 1 (однотипные катакомбные сооружения с поперечным расположением погребальных камер по отношению к входным ямам; вытянутая поза погребенных с вытянутыми конечностями; ориентировка головой в южном направлении, преимущественно к ЮЗ; устойчивая ориентировка входных ям в основном в направлении СЗ–ЮВ), демонстрируют выработанность традиций погребения и однородный этнический состав погребенных. Глубина входных ям и погребальных камер обуславливалась уровнем залегания плотного грунта, пригодного для сооружения полой катакомбной камеры или только ее свода. В свою очередь, наличие угловых ступеней во входных ямах было связано с их значительной глубиной (ок. 2 м). Подсыпка пола камеры мелом была одной из характерных черт обряда погребения этой группы (5 погребений из 10) (*Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 112–114).

Особенности материальной культуры группы населения, производившей захоронения на этом участке могильника, не могут быть определены в необходимом объеме из-за высокой ограбленности погребений (9 погребений из 10). Сохранившийся инвентарь представлен керамическими сосудами (кувшины различных типов, кухонные горшки), металлическими предметами одежды (обломок броши, парные наперстки головного убора (?), также парные изделия кольцевидной формы, накладка серповидной формы (лунница), выполненными из серебра и бронзы), украшениями (бусы из сердолика, гешира, стекла и разноцветный стеклянный бисер) (*Гмыря Л.Б. и др.*, 2009. С. 94, 99. Рис. 4; *Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 103–104, 106–108, 111. Рис. 2, 4–5; 3, 3–6; 4,3; 6, 3) (Рис. 24–25). Кувшины представлены высококачественными образцами, большая часть которых – красноангобированные кувшины с шаровидным туловом и цилиндрической формы горловиной, – наиболее типичные для Паласа-сыртского могильника (Рис. 25,4). Но имеются и чернолощенные экземпляры, среди них – кувшин с гофрированным туловом (Рис. 24,5) и уникальный кувшин крупных размеров с шаровидным туловом и высокой горловиной (Рис. 25,6). Он декорирован птицевидными деталями (гипертрофированных размеров сливной носик клювовидной формы с рельефными налечами-глазками по обе стороны от него).

Инвентарь включал личные вещи погребенных, его состав не определялся канонами погребального обряда, о чем свидетельствует, в частности, разнотипность керамических кувшинов, находившихся в могилах этой группы. Высокая степень ограбленности погребений в группе № 1 может свидетельствовать о значительном социальном статусе захороненных на этом участке могильника.

Хронология погребений в рамках конца IV – первой пол. V в. установлена отчасти на основе времени функционирования некоторых характерных предметов сохранившегося инвентаря (красноангобированные кувшины, серолощенный кувшин с клювовидным

сливом, гешировая бусина таблетковидной формы, стеклянные бусины с внутренней позолотой, мелкие плоховыделанные сердоликовые бусины, фрагмент бронзовой броши, серебряная накладка-лунница), а также на основе аналогий с другими погребениями могильника. Погребальный обряд и состав инвентаря раскопанных погребений характеризуют культуру кочевых племен Западного Прикаспия времени нашествия гуннов (*Гмыря Л.Б.*, 2011а. С. 113).

На исследованном в 2009–2010 гг. участке могильника был проведен анализ почв с целью выявления палеоклиматических и палеоприродных условий периода формирования могильника (*Идрисов А.И.*, 2010а. С. 72–75; 2010б. С. 74–80). Анализ погребенных почв курганных насыпей показал, что они формировались в условиях сухой степи, близких к современным. В период постройки курганов климат был более засушливым в сравнении с современным. Профиль современных почв в месте нахождения курганной группы № 1 указывает на неблагоприятные условия сооружения полых погребальных камер катакомб и объясняет значительную глубину входных ям большей части погребений, обусловленную поиском уровня залегания плотных грунтов.

Впервые в историографии Дагестана в рамках указанных проектов РГНФ 2009–2010 гг. была произведена реконструкция истории формирования и развития крупного элемента рельефа – возвышенности Паласа-сырт, на которой расположен одноименный могильник (*Идрисов А.И.*, 2011. С. 121–124). История формирования и развития ландшафтов возвышенности берет свое начало в плиоцене (5–7 млн. л.н.), современный почвенный покров возвышенности (каштановые почвы) начал формироваться во второй половине голоцена (4,2–3,7 тыс. л.н.). Палеопочвенные исследования имеют большое значение для понимания причин освоения возвышенности под курганный могильник с полами в основном погребальными камерами, для интерпретации конструктивных особенностей погребальных сооружений (ступени в погребальной камере, разница в уровнях входных ям и погребальных камер, высота сводов камер и др.)

Исследования, проведенные на Паласа-сыртском курганном могильнике в 2009–2010 гг. в рамках проектов РГНФ, показали эффективность выбранной методики раскопок могильника обособленными курганными группами. Полученные материалы дали возможность выявить особенности планиграфии захоронений в обособленной группе захоронений, определить характерные черты погребального обряда, проследить закономерности формирования вещевых комплексов, установить узкую хронологию погребений, провести палеосоциологические, палеоклиматические и палеоприродные реконструкции. В результате удалось с определенной степенью полноты выявить влияние социальных институтов кочевых сообществ Западного Прикаспия времени Великого переселения народов на духовную культуру населения, в частности, на содержание погребальной обрядности, установить характер палеоклиматических и палеоприродных условий их жизнедеятельности, а также несомненную связь социума с природной средой обитания, проявившуюся, в частности, в приспособлении кочевников к природным условиям обретенной родины в сфере похоронно-поминальной обрядности.

Необходимость продолжения подобных исследований обусловила раскопки в 2011 г. (проект РГНФ № 11-01-18080е, руководитель Л.Б. Гмыря) курганной группы № 2, располагавшейся в 390 м к югу от курганной группы № 1 на обособленном участке возвышенности, ограниченном с севера и юга глубокими лощинами (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. С. 130–159). Маркерами территории курганной группы № 2 служили три крупных кургана эпохи бронзы (кк. №№ 249–251), расположенные в 80 м к северо-востоку от курганной группы № 2 (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. Рис. 1). Раскопками были выявлены новые, неизвестные особенности, касающиеся планиграфии курганов в обособленной группе и черт погребальной обрядности в ней. Курганная группа № 2 включала 5 курганов (кк. №№ 244–248), центральное положение в ней занимал наиболее крупный курган № 247 (диам. 12 м, выс. 0,75 м) с захоронением ребенка (девочка) 5–7 лет с глубокими следами искусственной деформации черепа. К югу от него располагались 3 кургана, два из них – курган № 246 средних размеров (диам. 10 м, выс. 0,5 м) с захоронением женщины старше 55 лет и кур-

ган № 245 малого размера (диам. 10 м, выс. 0,35 м) с захоронением девочки-подростка 12–13 лет находились на расстоянии 18 м. Один – курган № 244 средних размеров (диам. 11 м, выс. 0,65 м) с парным захоронением мужчины 45–55 лет и женщины старше 55 лет – на расстоянии 26 м. Курган № 248 средних размеров (диам. 11 м, выс. 0,5 м) с захоронением женщины старше 55 лет с искусственной деформацией черепа находился в 46 м к СЗ от центрального кургана (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. Рис. 1).

Данные исследований показали, что на обособленном участке были захоронены в основном особи женского пола – три женщины старше 55 лет, девочка-подросток 12–13 лет и ребенок-девочка 5–7 лет. Главенствующее положение в группе было отведено захоронению девочки 5–7 лет. Положение скелетов в парном погребении кургана № 244 показывает, что умершая женщина была помещена в погребальную камеру с опорой на правую руку и правую ногу погребенного мужчины, т.е., вероятно, в позе, имитирующей прижизненное ношение женщины на руках мужчины. Возможно, женщина не могла самостоятельно передвигаться из-за дефектов позвоночника и ног (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. Рис. 2–3) (Рис. 2б).

Погребальный обряд захороненных в курганной группе № 2 (однотипные катакомбные сооружения с перпендикулярным расположением погребальных камер по отношению к входным ямам; вытянутая поза погребенных с вытянутыми конечностями; ориентировка погребенных в южном направлении с отклонением к западу; устойчивая ориентировка входных ям в основном по направлению ССЗ–ЮЮВ) демонстрирует устойчивость традиции погребения и однородный этнический состав погребенных. Подсыпка мела и золы в камере была обнаружена только в погребении девочки-подростка (к. № 245).

Погребения курганной группы № 2 были ограблены в древности, естественное положение скелетов сохранилось в 2-х курганах – № 244 (парное погребение) и № 246 (женщина старше 55 лет). Этому способствовало то обстоятельство, что погребения были перекрыты обвалившимися суглинистыми сводами погребальных камер. Два погребения – центральное (к. № 247) и наиболее удаленное от него (к. № 248) неоднократно затапливались водой после ограбления, в результате чего пол камер и костные останки погребенных были перекрыты толстой коркой осадочных пород. В кургане № 247 на ее поверхности отпечатались следы двух лис*, попавших в погребальную камеру после ее ограбления (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. С. 141–143).

Учитывая возрастной состав погребенных в группе № 2, причиной их смерти стали болезни. Но, возможно, что мужчина в парном погребении кургана № 244 был умерщвлен насильственно, как раб женщины, захороненной вместе с ним. Об этом свидетельствует необычная поза погребенной (имитация положения на руках мужчины) и отсутствие при нем какого-либо инвентаря. В то же время декор костюма женщины с дефектами опорно-двигательной системы отличался престижностью (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. Рис. 153, 1–14) (Рис. 26,1–14). В состав декора ее костюма входил специфический набор – две бронзовые серьги кольцевидной формы (Рис. 26,6–7); две височные привески узколенчатой формы (длина 6,8 см) с фигурным расширением в виде трезубца (Рис. 26,1–2). Привески двусоставные, выполнены из тонких серебряных деталей, скрепленных в двух местах; верхняя деталь обтянута тонким золотым листом. Височные привески такой формы крепились к налобной ленте, скреплявшейся пряжкой. Пряжка от налобной ленты (Рис. 26,4) находилась у нижней челюсти погребенной. Это был миниатюрный экземпляр из бронзы с рамкой овальнорамчатой формы с утолщением спереди (диам. 1×1,2 см). Язычок хоботовидной формы был поднят над рамкой под острым углом, что свидетельствовало о том, что пряжка не была застегнута, а лента не была скреплена. Местоположение височных привесок (правая плечевая кость и пространство между грудной клеткой и левой плечевой костью) и миниатюрной пряжки (*Гмыря Л.Б.*, 2011б. Рис. 3, 1, 26) (Рис. 26) свиде-

* По заключению в.н.с. лаборатории экологии животных Прикаспийского института биологических ресурсов ДНЦ РАН Ю.А. Яровенко, лисы обыкновенной (*Vulpes vulpes*).

тельствует о том, что лента с височными привесками не была одета на голову умершей женщины, а положена на туловище, у головы, согласно канонам погребального обряда*. На умершей был надет широкий пояс с крупной бронзовой пряжкой-сюльгамой (диам. 2,9 см), выполненной из прута, концы которого завернуты кольцом (Рис. 26,3). Язычок пряжки длинный, выходящий за пределы рамки, его конец опущен вниз. Пряжка лежала в пространстве между левой тазовой костью и локтевыми сочленениями левой руки погребенной женщины. У кисти левой руки лежал набор из 6-и стеклянных бусин и костяной подвески, среди бус – две редкие с инкрустацией цветками (Рис. 26,8–13). Набор из бусин и костяной подвески, вероятно, находился в сумочке, подвешенной к поясу. В декоре костюма имелась еще одна пряжка – железная овальнорамчатой формы (диаметр рамки 2 × 1,8 см) с длинным язычком (Рис. 26,5), она лежала у левой ключицы, язычком вниз, ее предназначение не определено. Височные привески с фигурными концами типичны для престижных погребений Паласа-сыртского могильника. Нам известны 8 погребений с парными височными привесками и еще 5 погребений с одной привеской (*Гмыря Л.Б., Магомедов Р.Г., 2007. Рис. 1–7; Гугуев Ю.К. и др., 2010. Рис. 1, 2–3; 5, 1–2, 7*). Большинство из них выполнены из бронзы, очень редки серебряные привески и совсем уникальны серебряные образцы с золотой обтяжкой (кк. №№ 193, п. 1 и 244, п. 2) (Рис. 19,2; 26,1–2). Височные привески из погребения 1 кургана № 193 были украшены рельефным орнаментом и сердоликовыми вставками в местах крепления. Фигурные концы паласа-сыртских привесок представлены четырьмя формами – подкововидными, секировидными, округлыми и в виде трезубца. Наиболее распространенными среди них были привески с подкововидными концами, очень редки парные привески с округлыми и секировидными концами. Образцы привесок с фигурными расширениями в виде трезубца, представленные в декоре костюма женщины из кургана № 244, выявлены на могильнике впервые. Височные привески с фигурными концами имеются в синхронных погребальных комплексах 4-х грунтовых могильников Прикаспийского Дагестана (6 экз.) (Урцеки 1–2, Ираги, Большой Буйнакский курган). Два образца из могильников Урцеки 1–2 имели расширения в виде трезубца, подобные привескам из кургана № 244 Паласа-сыртского курганного могильника, бронзовая пластинка одного из них была позолочена, декорирована орнаментом и вставкой из красного камня (*Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2007. С. 166. Рис. 2, 8, 10*).

Инвентарь сохранился еще в двух погребениях курганной группы № 2. В ограбленном погребении девочки-подростка (к. № 245) перед входом в погребальную камеру стоял небольшой кухонный горшок, его поверхность была закопчена (*Гмыря Л.Б., 2011б. Рис. 6, 31*). В самой камере костные останки были разрознены, предметы одежды и украшения разбросаны по всему полу. Из украшений сохранились серебряная серьга кольцевидной формы с гроздевидной подвеской, бронзовое изделие кольцевидной формы, 18 экз. бусин (гешировые, стеклянные) и 4 экз. бисера. Предметы одежды состояли из 3-х пряжек – мелкой серебряной круглорамчатой формы с утолщением спереди и длинным хоботовидным язычком, поднятым вертикально; также мелкой железной пряжки аналогичной формы с вертикально поднятым язычком; железной крупной пряжки (диам. 1,7 см) с опущенным язычком, на ней сохранились отпечатки ткани рогожного переплетения и обрывки крученой нити. В камере у входа находилась половинка распиленного окаменелого (кремний) моллюска**, на его срезе хорошо видны следы обработки поверхности. Окаменелый моллюск служил, видимо, оберегом умершей девочки-подростка. Имелись и обломки металлических изделий, форма которых не восстанавливается (*Гмыря Л.Б., 2011б. Рис. 6, 1–32*).

* По канонам погребального обряда декор костюма умершего должен быть каким-либо способом нарушен, искажен.

** По заключению ст.н.с. Института геологии ДНЦ РАН А.Р. Юсупова подобные моллюски-аммониты обитали в морях мезозойской эры древнее 65 млн. лет н., их окаменелые образцы широко распространены в высокогорном и внутригорном Дагестане.

В ограбленном погребении кургана № 248 с захоронением женщины старше 55 лет (Рис. 27) также сохранилось значительное количество инвентаря (Рис.28). Костные останки были разбросаны и перекрыты осадочными отложениями, череп лежал у юго-западной стенки. Инвентарь был сосредоточен в основном в центральной части погребальной камеры у входа. Розовоглиняный кувшин с короткой горловиной и петлевидной ручкой лежал в обломках во входной яме на закладном камне, отодвинутом от входа в камеру (Гмыря Л.Б., 2011б. Рис. 10, 53) (Рис.28,53). Инвентарь включал железный нож (длина 13,5 см) (Рис. 28,1), предметы одежды и украшения. Предметы одежды состояли из серебряной пластинчатой прямоугольно-рамчатой пряжки (2×1,3 см) с длинным язычком, выходящим за пределы рамки и опущенным вниз (Рис. 28,2), и трех фибул (Рис. 28,3–5). Одна бронзовая фибула относится к разряду лучковых с подвязным приемником (длина 2,8 см), ее игла находилась в приемнике. На спинке сохранилась обмотка толстой крученой нитью, на игле – фрагмент ткани рогожного переплетения (Рис. 28,3). Другая фибула – серебряная двухпластинчатая, с зубчатыми краями головки и спинки (длина 4 см), ее игла вместе с пружиной отпаялась (Рис. 28,4). Перемычка фибулы была обмотана толстой крученой нитью, на игле сохранился фрагмент ткани рогожного переплетения. От еще одной двухпластинчатой серебряной фибулы сохранилась часть пружины и иглы (Рис. 28,5). Нитяные обмотки, сохранившиеся на фибулах, свидетельствуют о том, что фибулы, (их было, видимо, 4 экз.) использовались для специфического декора костюма с восточногерманскими элементами, а именно, к каждой паре фибул крепилась нить с бусами. Подобный элемент декора костюма был четко зафиксирован в погребении женщины в кургане № 193 (Гмыря Л.Б., Илюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2007. С. 160–173). Украшения погребенной из кургана № 248 состояли из 307 экз. бус и 133 экз. бисера (Рис. 28,6–52). Бусы лежали на полу камеры и выше его на 0,1 м, в основном у продольной стенки камеры, ближе к черепу. Среди бус наиболее представительную коллекцию составили коралловые бусы* короткоцилиндрической формы светло-розового цвета (длина 0,7–1,5 см) – 205 экз. (Рис. 28,6–13). Вторыми по количеству выступают гешировые бусы также короткоцилиндрической формы (длина 0,4–0,8 см) – 77 экз., имеется и гешировый разделитель прямоугольной формы с двумя отверстиями (Рис. 28,16–20). Стекланные бусы различных форм (2–3-х составные короткоцилиндрические, прямоугольная и др.) – 14 экз. были покрыты патиной (Рис. 28, 30–43). Среди бус имелись 11 экз. из натуральных камней – сердоликовые округлой короткоцилиндрической и уплощенной формы (Рис. 28, 23–29) темно-красного, оранжевого и розового цвета (7 экз.), крупная бусина (диам. 1,5 см) из горного хрусталя звездчатой формы (Рис. 28, 14), также хрустальная бусина округло-уплощенной формы (Рис. 28, 15), 2 бусины гиревидной формы зеленого и темно-серого цвета (Рис. 28,21–22). Набор бисера короткоцилиндрической формы включал 133 экз. Всего в погребении кургана № 248 обнаружено 307 экз. бусин и 133 экз. бисера (Рис. 28,44–52).

Сравнительный анализ черт погребального обряда курганных групп № 1 и 2 выявил как общие черты, так и отличия. К общим относятся планиграфия курганов в группе по схеме – расположение в центре группы главного погребения, радиально от него – остальных захоронений, величина удаления от главного захоронения определялась, видимо, степенью родственной близости к захороненному в нем; отдельное захоронение на участке мужских и женских особей (группа № 1) или монополюе захоронения (женщины) на участке (группа № 2); форма погребального сооружения в виде катакомбы; поперечное расположение погребальных камер относительно входных ям; ориентировка входных ям в направлении СЗ–ЮВ с отклонениями к северу; погребальных камер – в направлении СВ–ЮЗ с отклонениями к востоку; погребенных головой к ЮЗ с отклонениями к западу или югу; применение меловой подсыпки в камере под умершим; наличие круговой деформации у части черепов. Отличия между группами проявились в системе ориентировки погребальных камер относительно входных ям: в группе № 1 из 10 погребений 5 камер были расположены под острым углом, 4 – под прямым углом; в группе № 2 во всех по-

*Определение ст.н.с. Института геологии ДНЦ РАН А.Р. Юсупова.

гребенях камеры занимали перпендикулярное положение. Однако сравнение погребальных сооружений по половому признаку объясняет это различие: в обеих группах в камерах с ориентировкой в 90° захоронены женщины, в камерах, расположенных под углом (группа № 1) – мужчины. Причина таких различий пока не понятна, т.к. существовавшая величина угла пересечения длинных осей камер и входных ям не влияла на ориентировку погребенных, она оставалась стабильной в пределах юго-западного сектора, но угол отклонения погребальных камер с мужскими захоронениям обеспечивал более южную ориентировку умерших – ЮЮЗ, Ю, в то время как у женщин она приближалась к западу – ЮЗЗ. Преобладание женских захоронений в группе № 2 можно объяснить тем, что мужчин хоронили, видимо, на соседнем участке могильника, на левом склоне северной лощины, где рядом с крупным курганом эпохи бронзы находятся 3 небольших кургана, возможно, эпохи Великого переселения народов.

Хотя вещевые комплексы обеих групп курганов и неполные, но их анализ показывает, что чертой погребального обряда является обязательное захоронение с умершим его личных вещей, состав комплексов обуславливался деталями декора традиционного костюма мужчин и женщин и керамической посудой, но при этом сами детали могли различаться (форма и материал пряжек, височных привесок, фибул, состав набора бус). Дальнейшее исследование могильника более четко обозначит как особенности погребального обряда, так и его стабильные черты, а также раскроет социальные связи и историю судеб людей, живших в суровых условиях сухой степи Прикаспия в сложный исторический период 1500 лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова М.П.*, 2007. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры: монография // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
2. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.*, 2000. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый-2: Труды дагестанской экспедиции. Т. I. М.
3. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.*, 2001. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый-4: Труды дагестанской экспедиции. Т. II. М.
4. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.*, 2004. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Шестой: Труды дагестанской экспедиции. Т. III. М.
5. *Гмыря Л.Б.*, 1985. Паласа-сыртский могильник (по материалам 1981–1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
6. *Гмыря Л.Б.*, 1987. Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника (этносоциальная интерпретация) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
7. *Гмыря Л.Б.*, 1988. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV–VI вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
8. *Гмыря Л.Б.*, 1989. Бытовые и хозяйственные постройки Паласа-сыртского поселения // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
9. *Гмыря Л.Б.*, 1990. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА. № 1.
10. *Гмыря Л.Б.*, 1991. Орудия труда Паласа-сыртского поселения: (по материалам раскопок 1985–1987 гг.) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
11. *Гмыря Л.Б.*, 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.

12. *Гмыря Л.Б.*, 1999. Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (специфические атрибуты) // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения: Т.Д. М.
13. *Гмыря Л.Б.*, 2005. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посвящ. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала.
14. *Гмыря Л.Б.*, 2008. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребений Прикаспийского Дагестана (II–V вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения». Владикавказ.
15. *Гмыря Л.Б.*, 2009а. Костюм и ювелирный убор в Дагестане (по археологическим данным) – раннее средневековье // Вестник Института ИАЭ. 2009. № 4.
16. *Гмыря Л.Б.*, 2009б. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. Махачкала.
17. *Гмыря Л.Б.*, 2011а. Исследование обособленной курганной группы южного участка Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2010 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 1.
18. *Гмыря Л.Б.*, 2011б. Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 3.
19. *Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.*, 2007. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы межд. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала.
20. *Гмыря Л.Б., Магомедов Р.Г.*, 2007. Интересные погребальные комплексы Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. (раскопки 2006 г.) // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного конгресса. Т. 1. Казань.
21. *Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Саидов В.А., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Кузеева З.З.*, 2009. Исследование компактной группы курганов Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2009 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 4.
22. *Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А.*, 2010. Исследование курганов южной группы Паласа-сыртского могильника в 2008 году // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград.
23. *Идрисов И.А.*, 2010а. Природные особенности Паласа-сыртской возвышенности (южный участок) // Вестник ИИАЭ. 2010. № 1.
24. *Идрисов И.А.*, 2010б. Изменения климата Дагестана во второй половине голоцена // Вестник ИИАЭ. 2010. № 2.
25. *Идрисов И.А.*, 2011. Формирование возвышенности Паласа-сырт // Вестник ИИАЭ. 2011. № 1.
26. *Ковалевская В.Б.*, 1981. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
27. *Котович В.Г.*, 1953. Отчет о работе южного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 8.
28. *Котович В.Г.*, 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала.
29. *Коробов Д.С.*, 1998. Выделение локальных вариантов катакомбных могильников III–IX вв. на Северном Кавказе. Вып. I. Археология. Ставрополье.

30. *Кузнецов В.А.*, 1961. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса) // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала.
31. *Кузнецов В.А.*, 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 6. М.
32. *Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Бакушев М.А., Саидов В.А.*, 2006. Раскопки Паласа-сыртского могильника в 2006 г. // Вестник ИИАЭ. 2006. № 3.
33. *Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Абиев А.К.*, 2007. Исследования на Паласа-сыртском курганном могильнике в 2007 г. // Вестник ИИАЭ. 2007. № 4.
34. *Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Гамидов А.К.*, 2008. Раскопки Паласа-сыртского курганного могильника в 2008 г. (курганы № 142, 123 и 21) // Вестник ИИАЭ. 2008. № 3.
35. *Малашев В.Ю.*, 2008. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и средние века. Махачкала.
36. *Уваров А.С.*, 1887. Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М.
37. *Уварова П.С.*, 1902. Коллекция Кавказского музея. Археология. Т. V. Тифлис.
38. *Цилоссани Н.О.*, 1882. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 г. // Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета 1879 г. I. Труды предварительных комитетов. М.

Рис. 1 Курганный могильник Паласа-сырт.
Северный участок. Нижняя терраса.

Рис. 2. Курганный могильник Паласа-сырт.
Северный участок. Нижняя терраса.

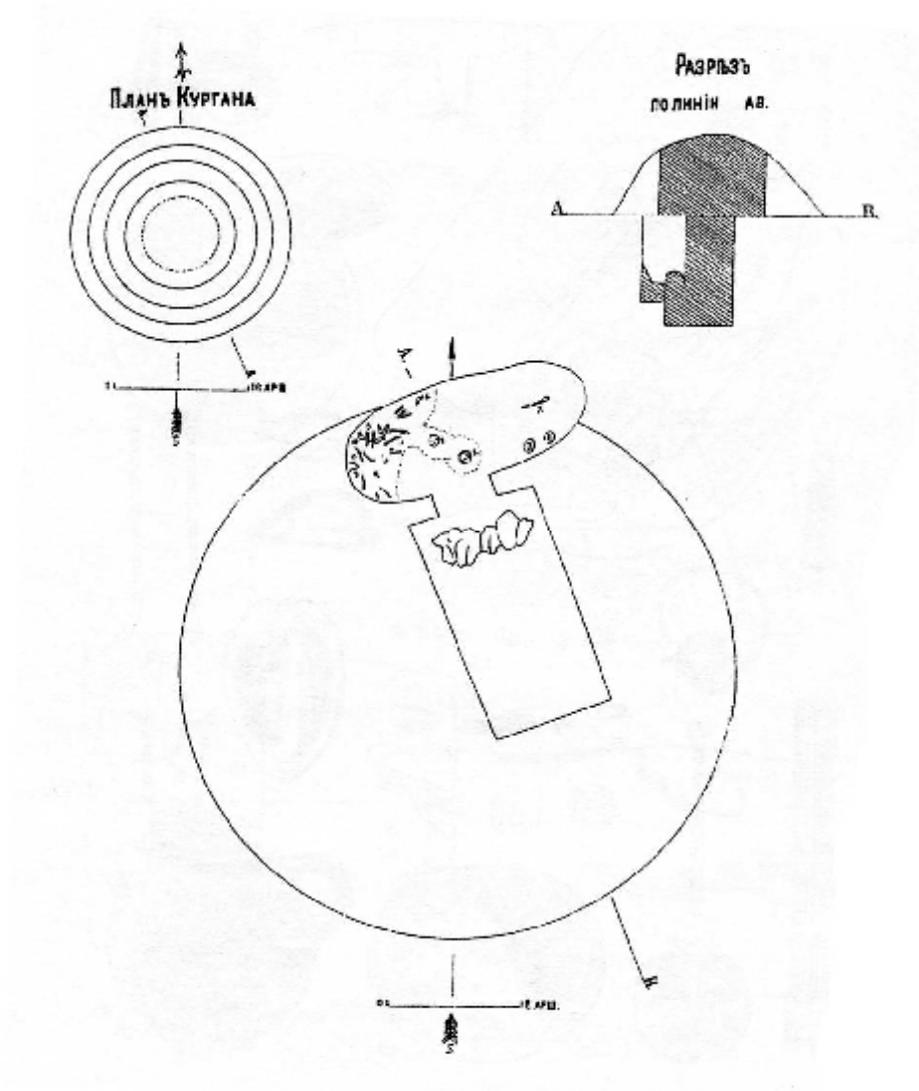

Рис. 3. Курганный могильник Паласа-сырт.
 1-4 курган «с»; 5-6 – курган «к»; 7-9 – курган «л»;
 10 – курган (?).
 (По Цилосани Н.О., 1882; Абрамовой М.П., 2007).

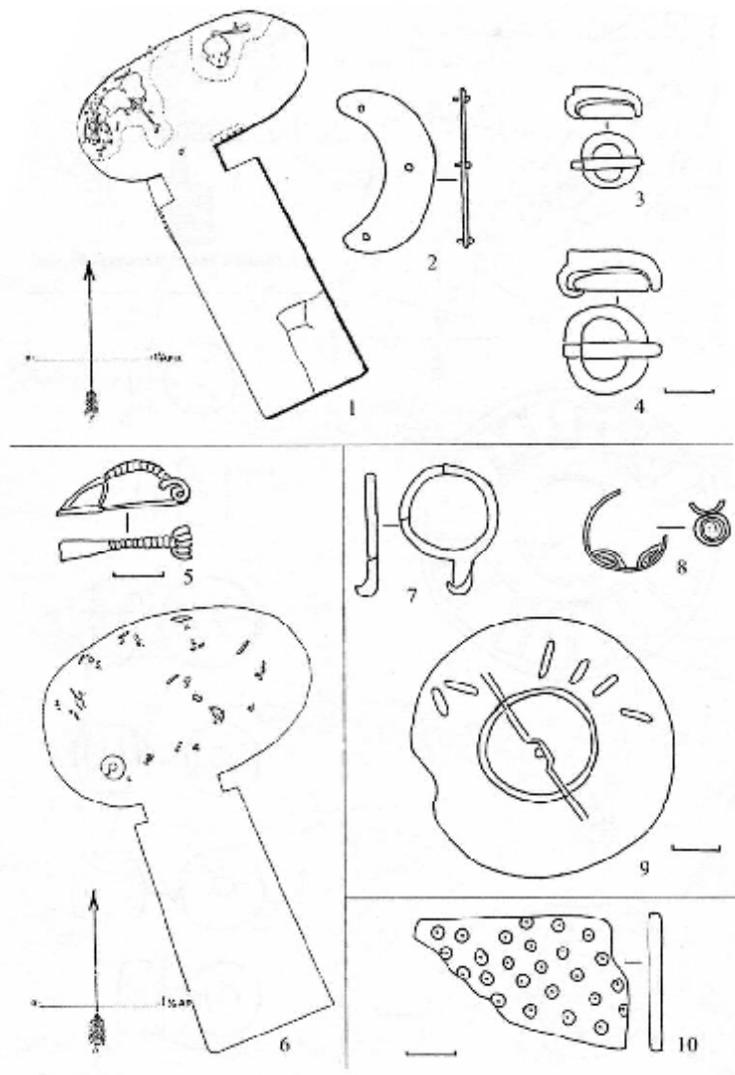

Рис. 4 Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган им. ген. лейт. А.В. Комарова
 (По Циллосани Н.О., 1882; Абрамовой М.П., 2007).

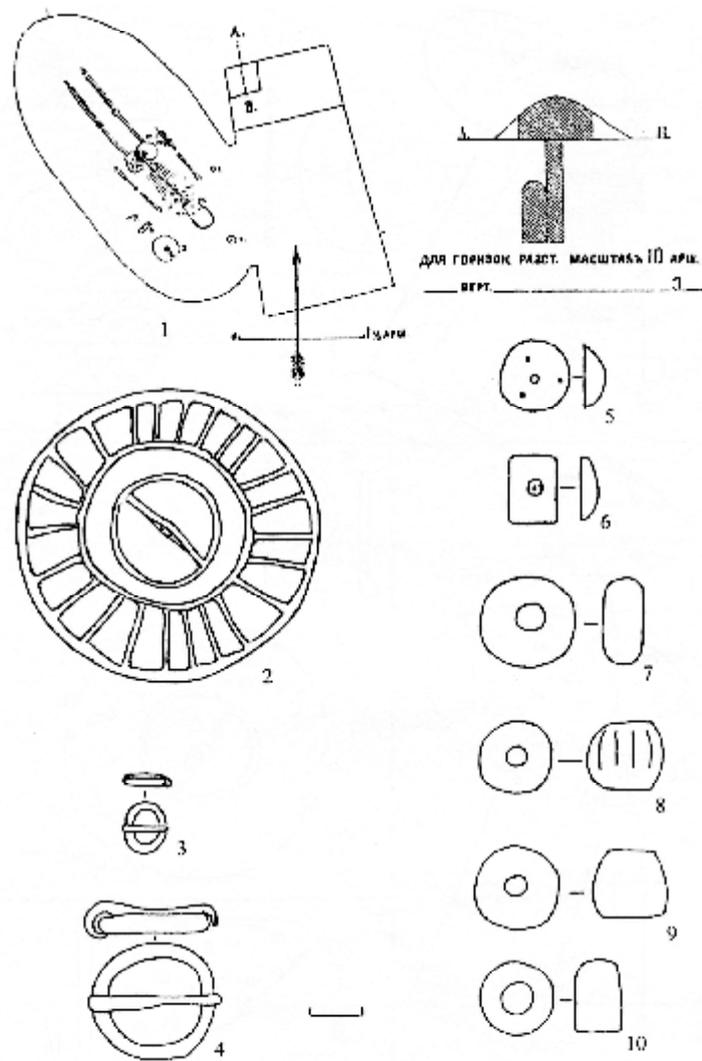

Рис. 5. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган им. гр. Уварова
 (По Цилоссани Н.О., 1882; Абрамовой М.П., 2007).

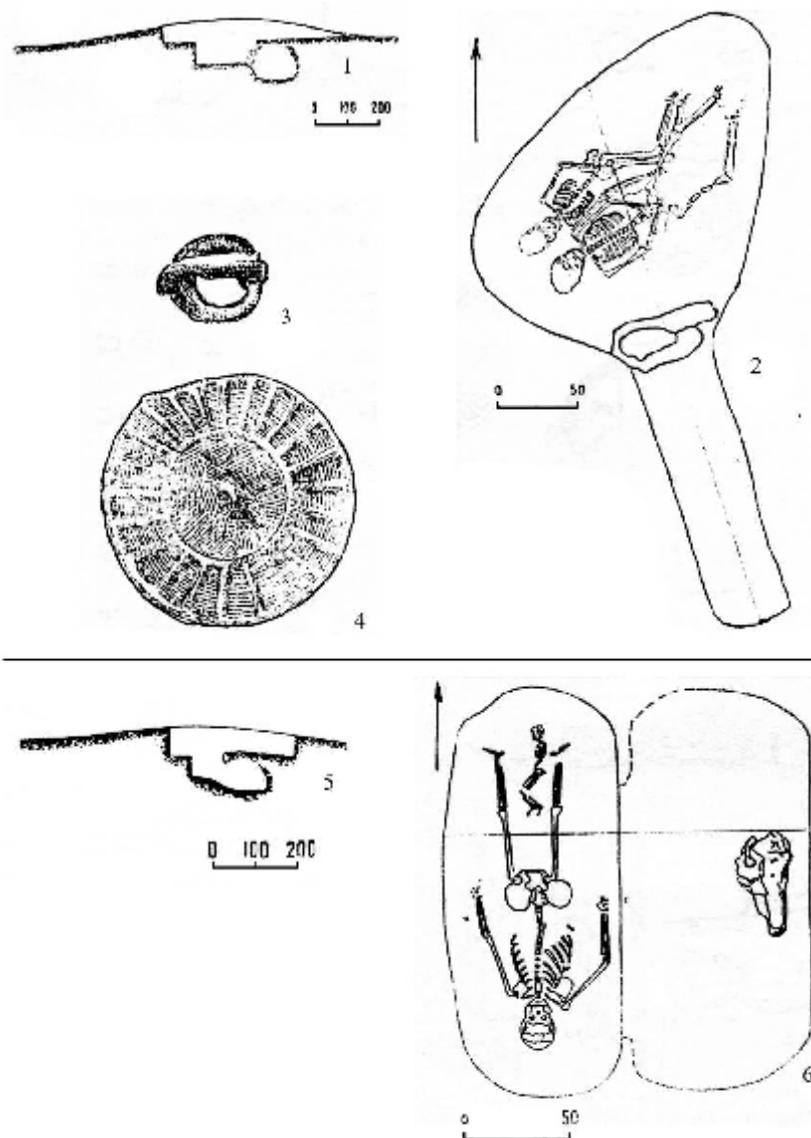

Рис. 6. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 1
 (По Котовичу В.Г., 1959).

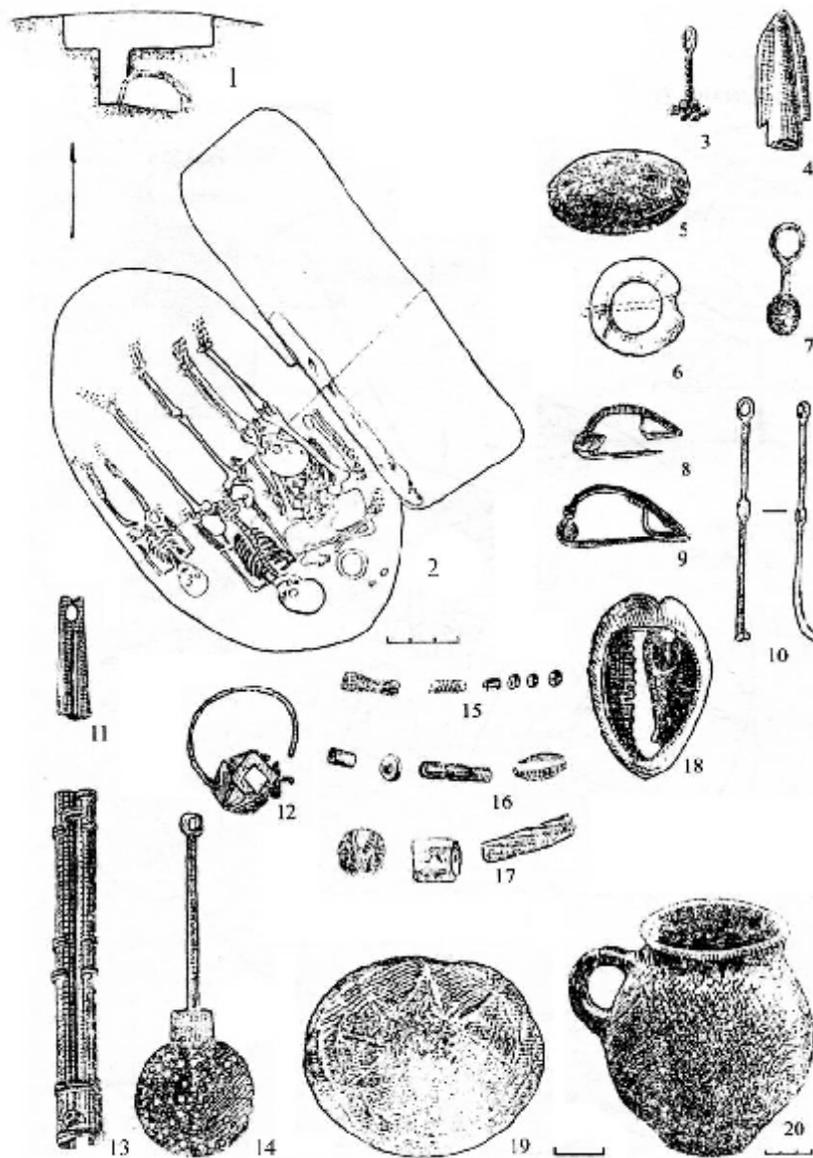

Рис. 7. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 2. План и разрез погребения
 (По Котовичу В.Г., 1959).

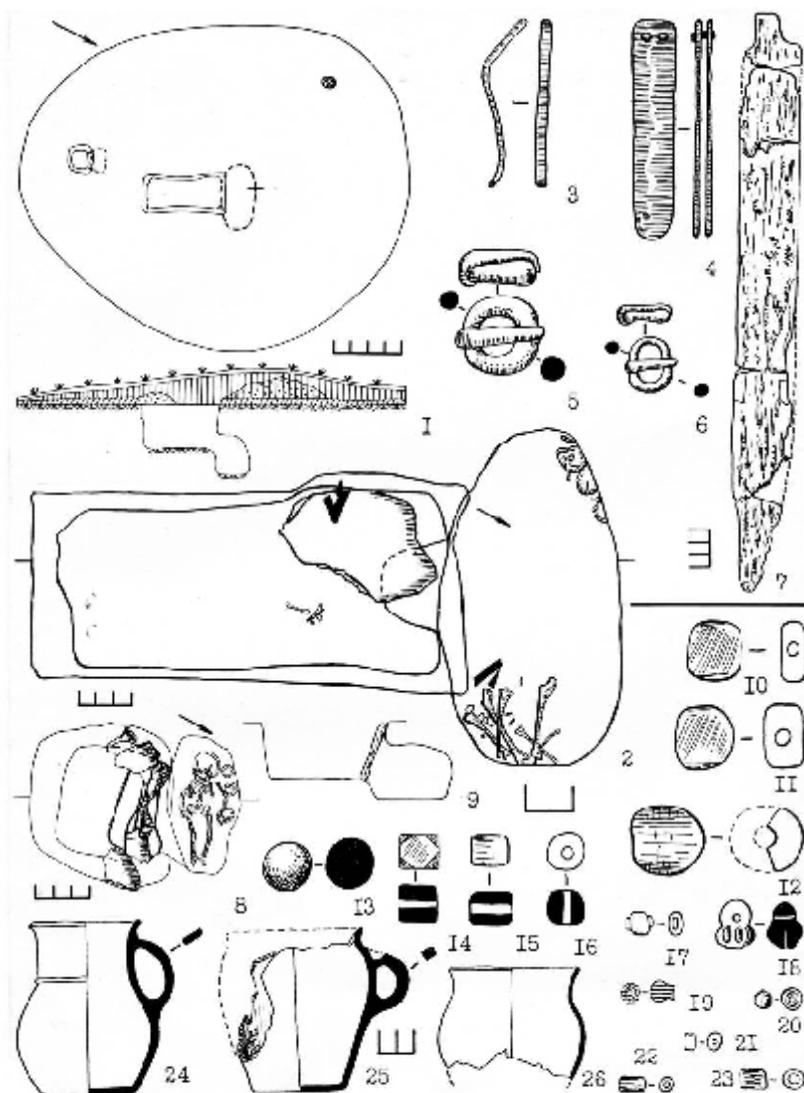

Рис. 8. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 2. 1–17, 19–23 – п. 2; 24–25 – п. 1;
 18 – выброс в насыпи
 (По Котовичу В.Г., 1959).

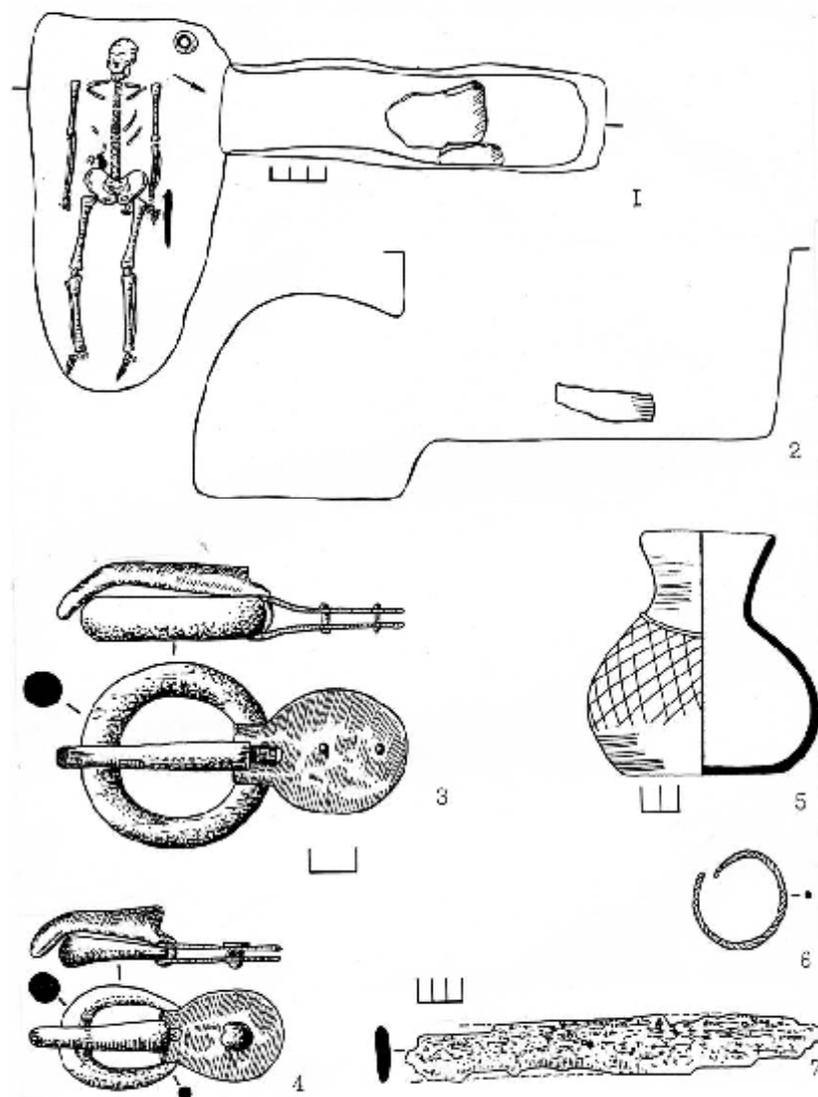

Рис. 9. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 6. 2–7 – п. 1; 8–26 – п. 2.

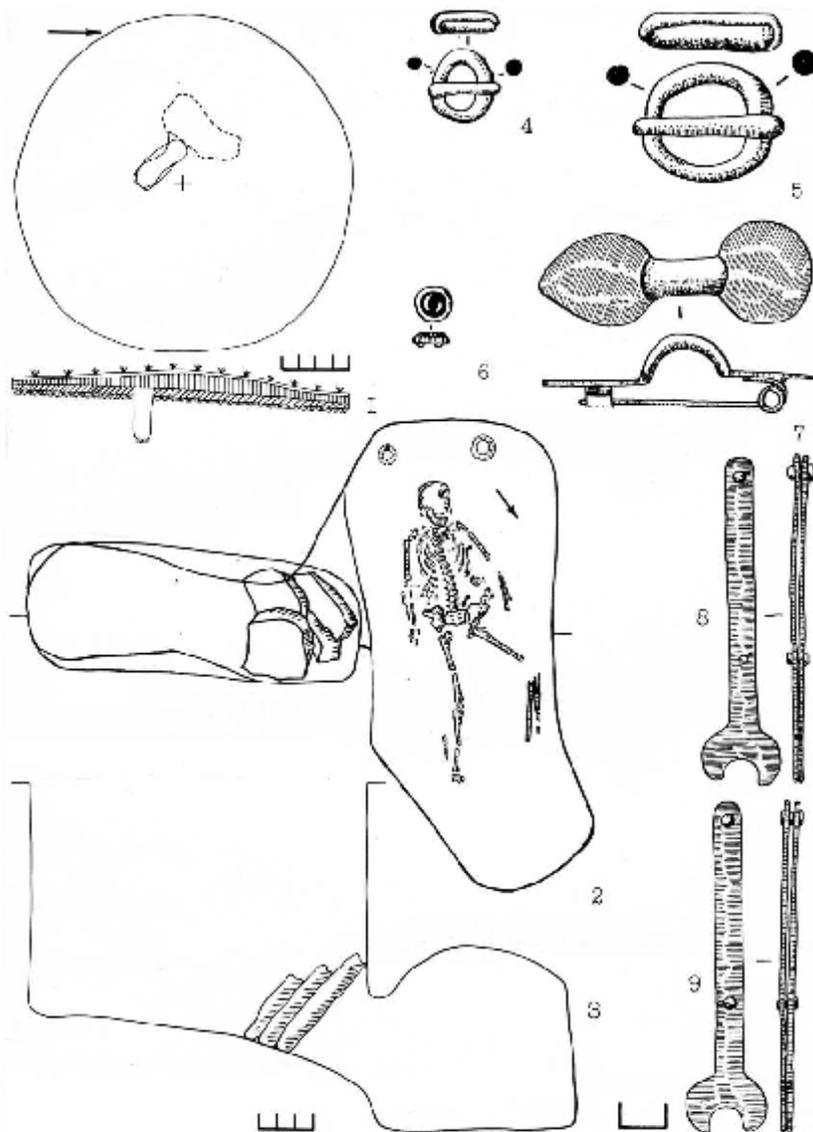

Рис. 10. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 12.

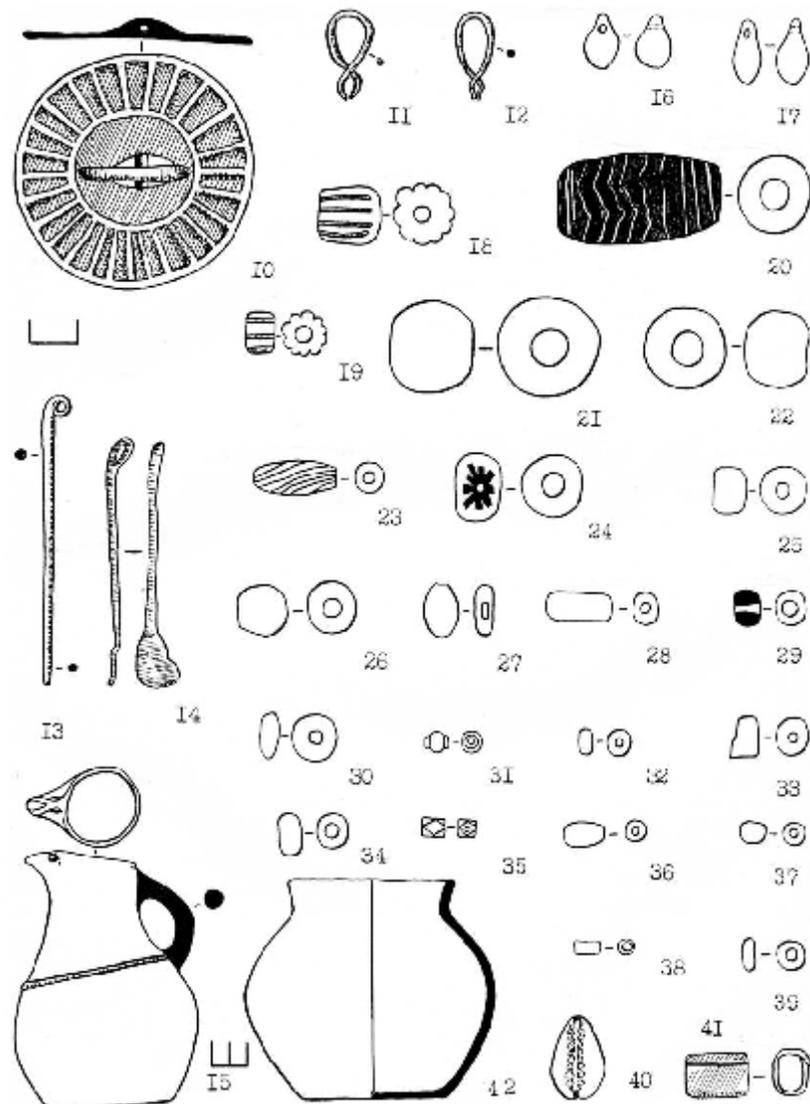

Рис. 11 а. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 20.

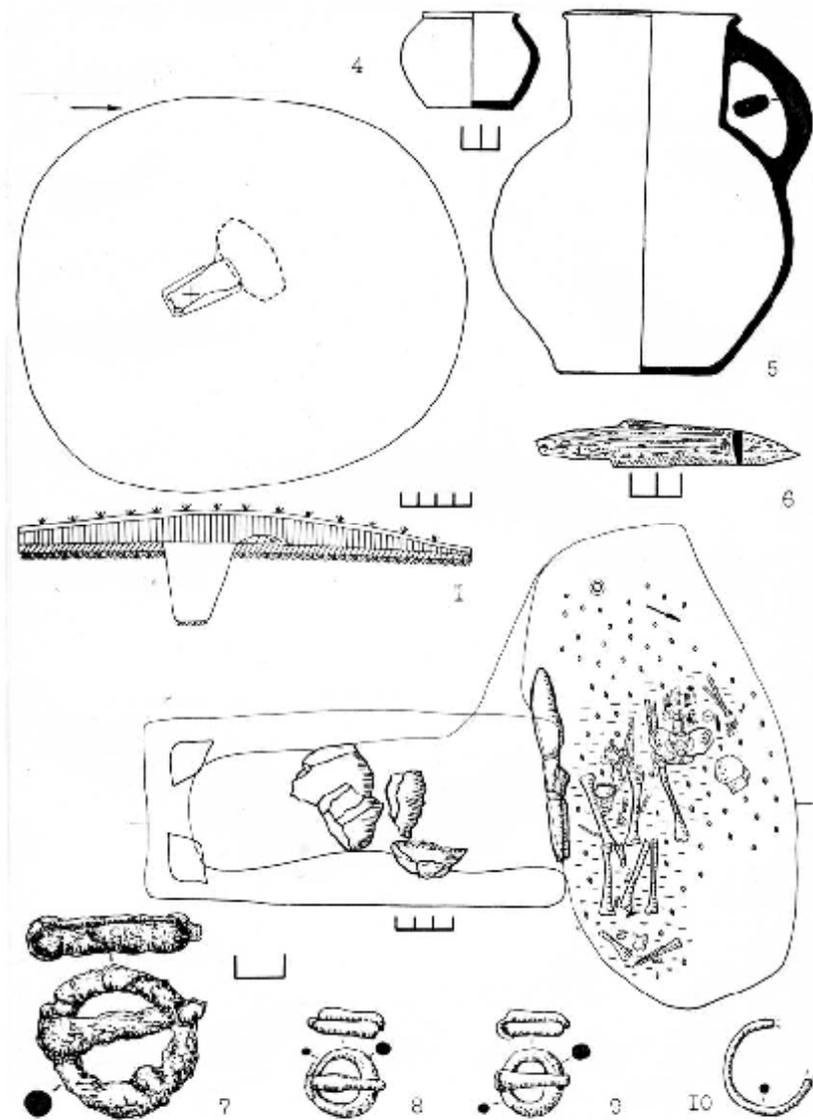

Рис. 116. Курганный могильник Паласа-сырт
Курган № 20 (продолжение).

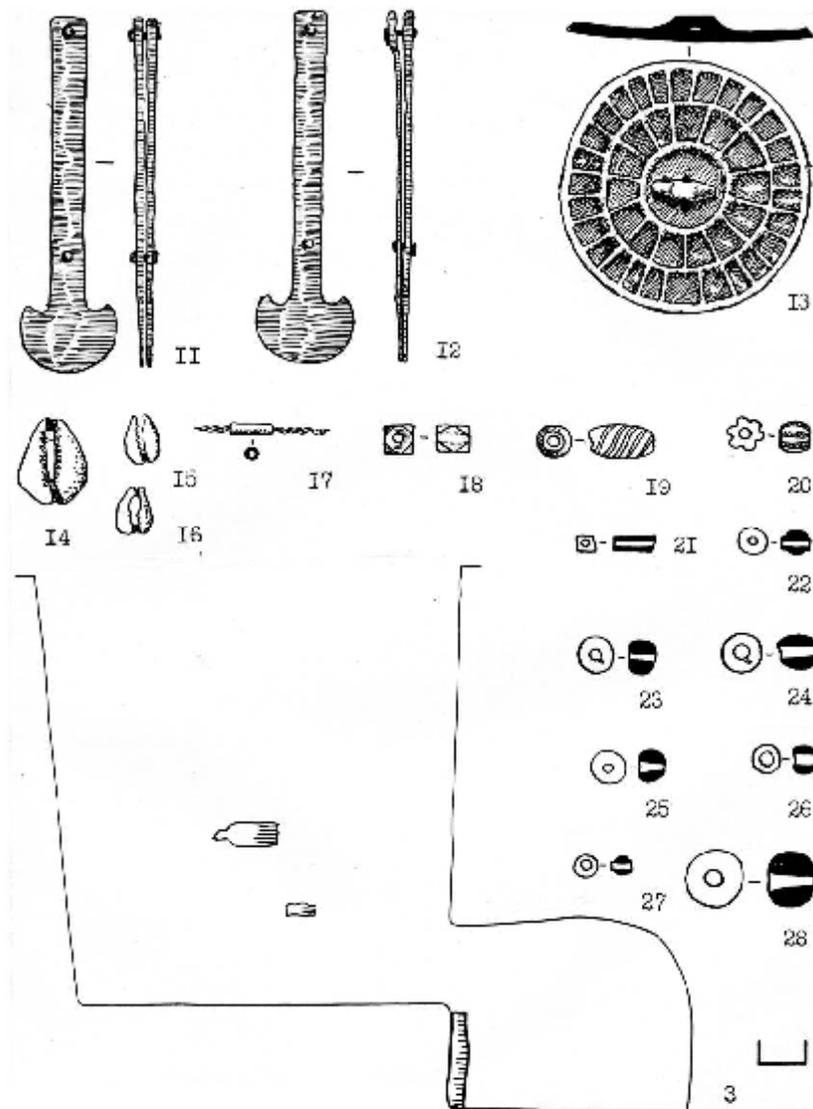

Рис. 12 а. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 43.

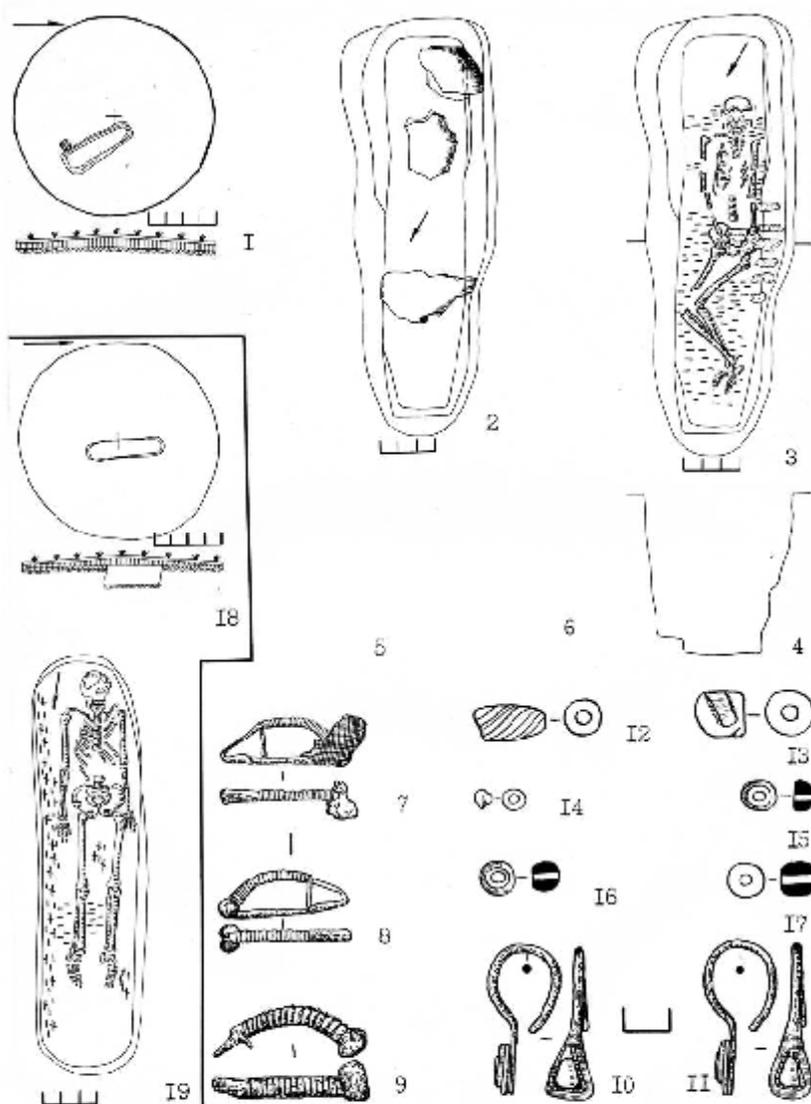

Рис. 12 б. Курганный могильник Паласа-сырт
Курган № 43 (продолжение).

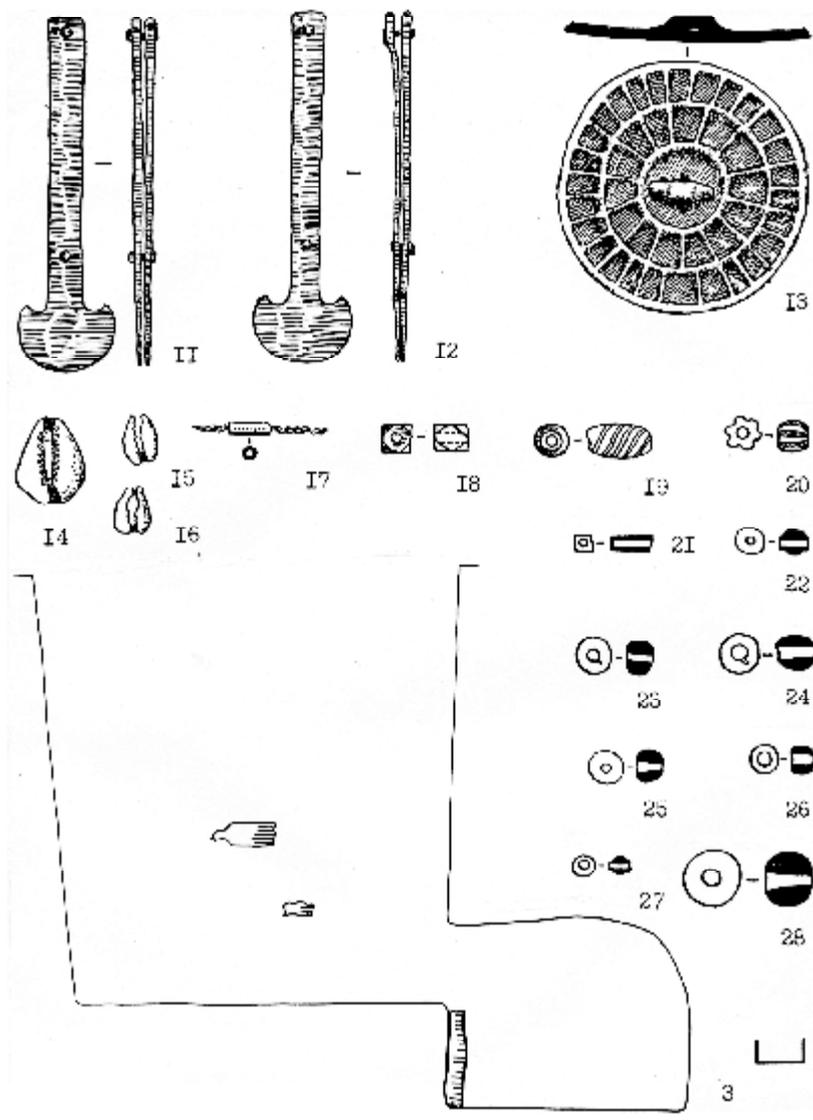

Рис. 13. Курганный могильник Паласа-сырт.
 1-17 - курган № 60; 18-19 - курган № 50.

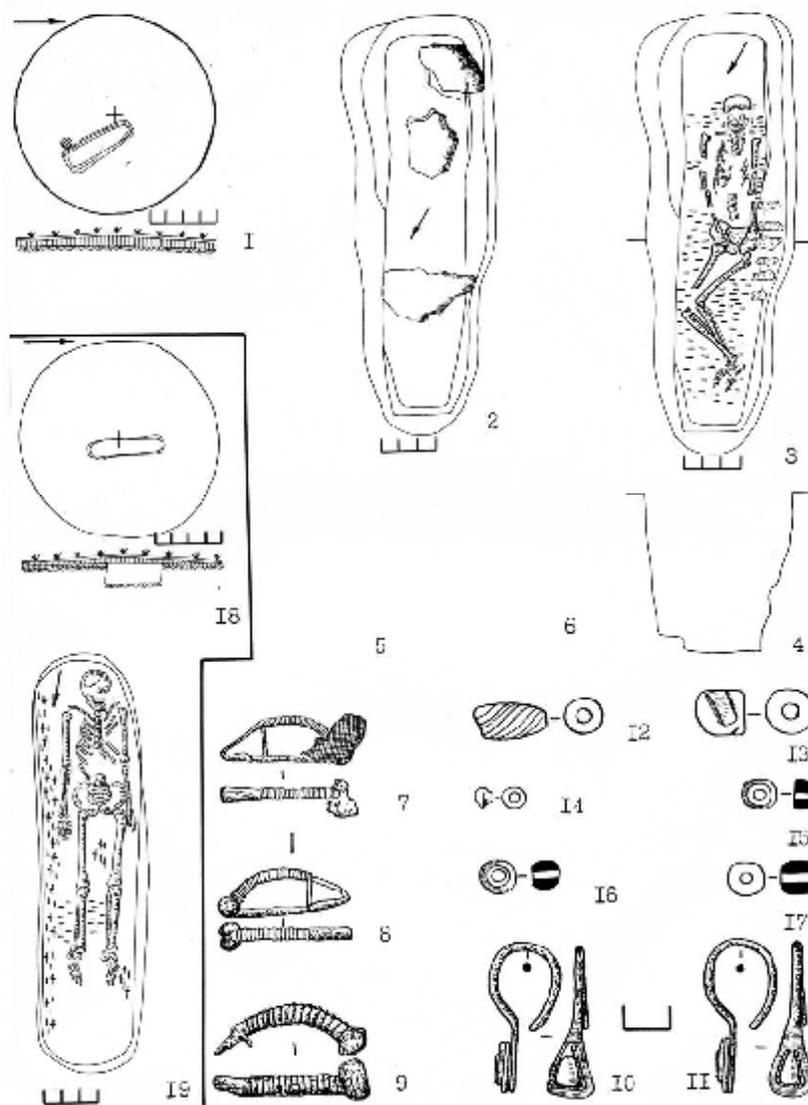

Рис. 14. Курганный могильник Паласа-сырт.
 1-8 – курган № 54; 9-12 – курган № 56.

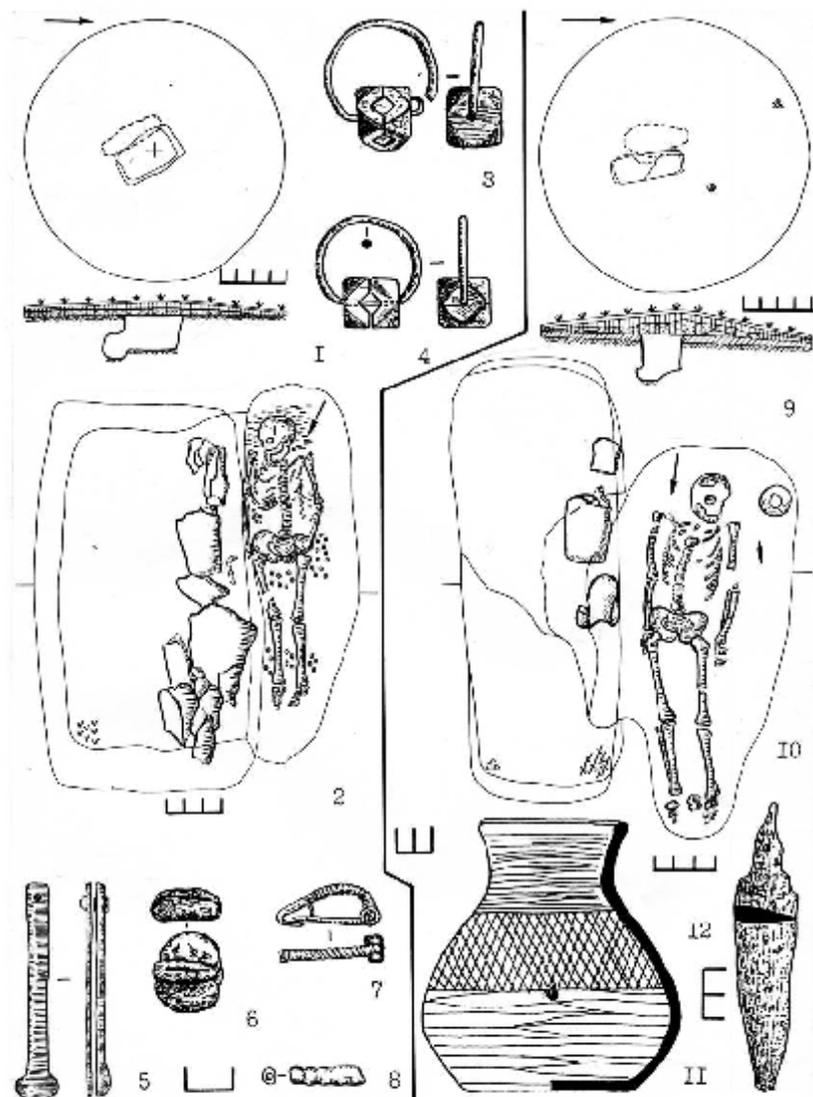

Рис. 15. Курганный могильник Паласа-сырт.
 1-25 – курган № 55; 26-28 – курган № 59.

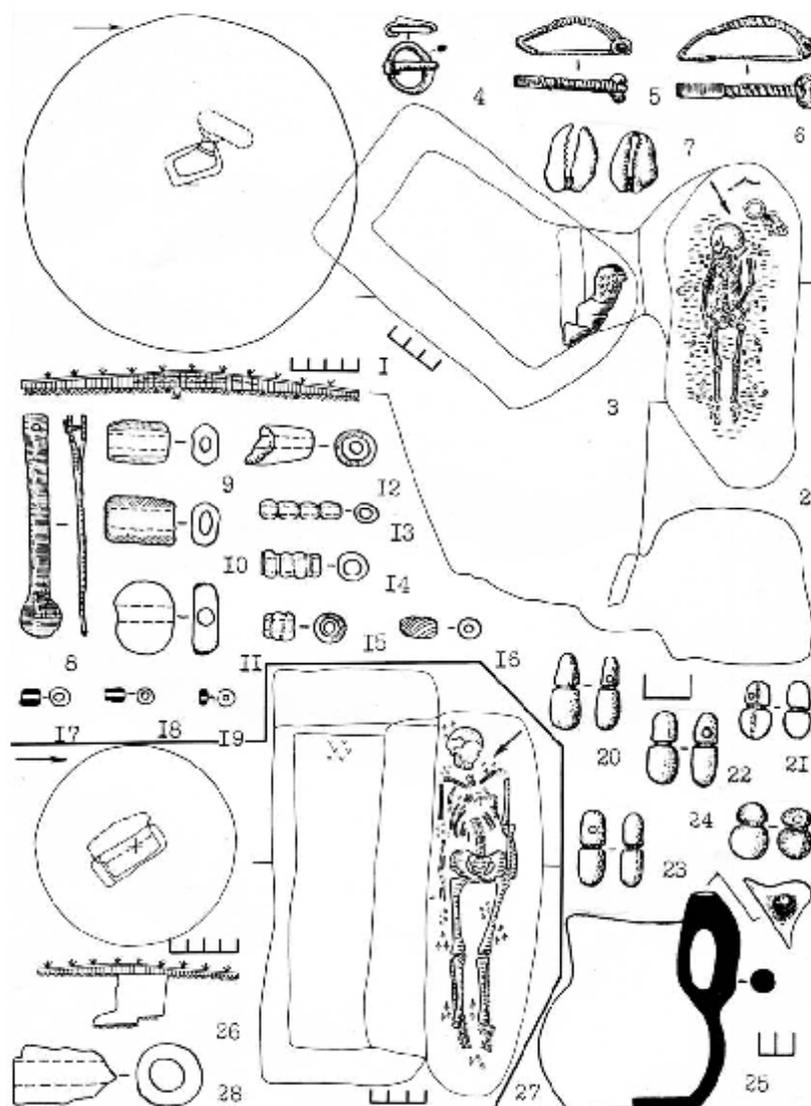

Рис. 16. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 91. План и разрез погребения.

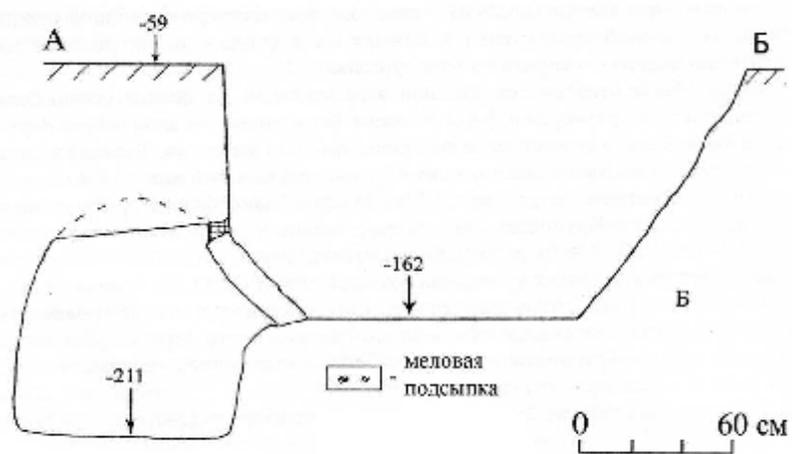
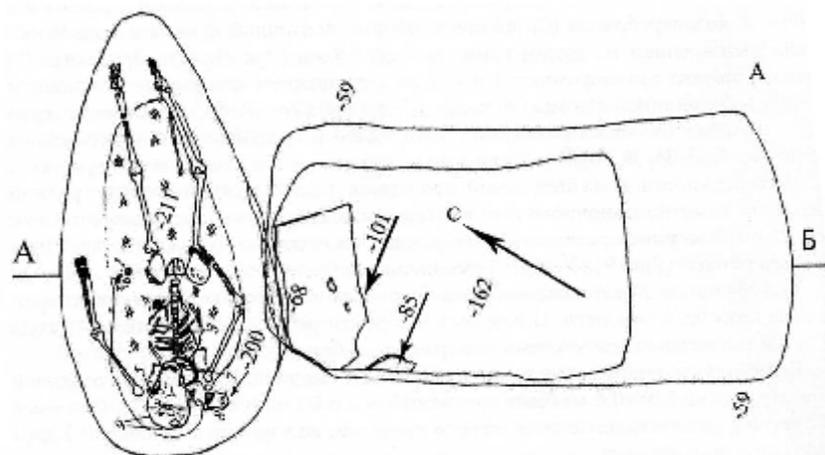

Рис. 17. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 91. Инвентарь.

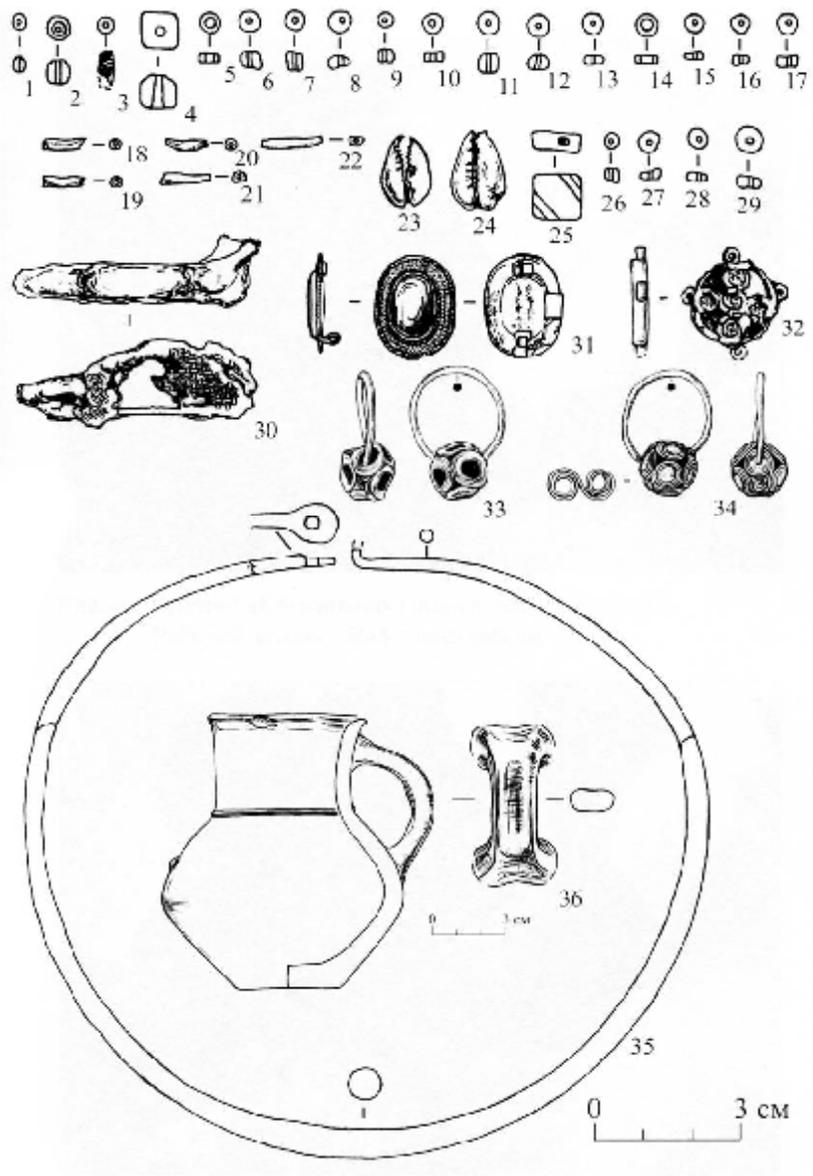

Рис. 18. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 193, п.1. План и разрез погребения.

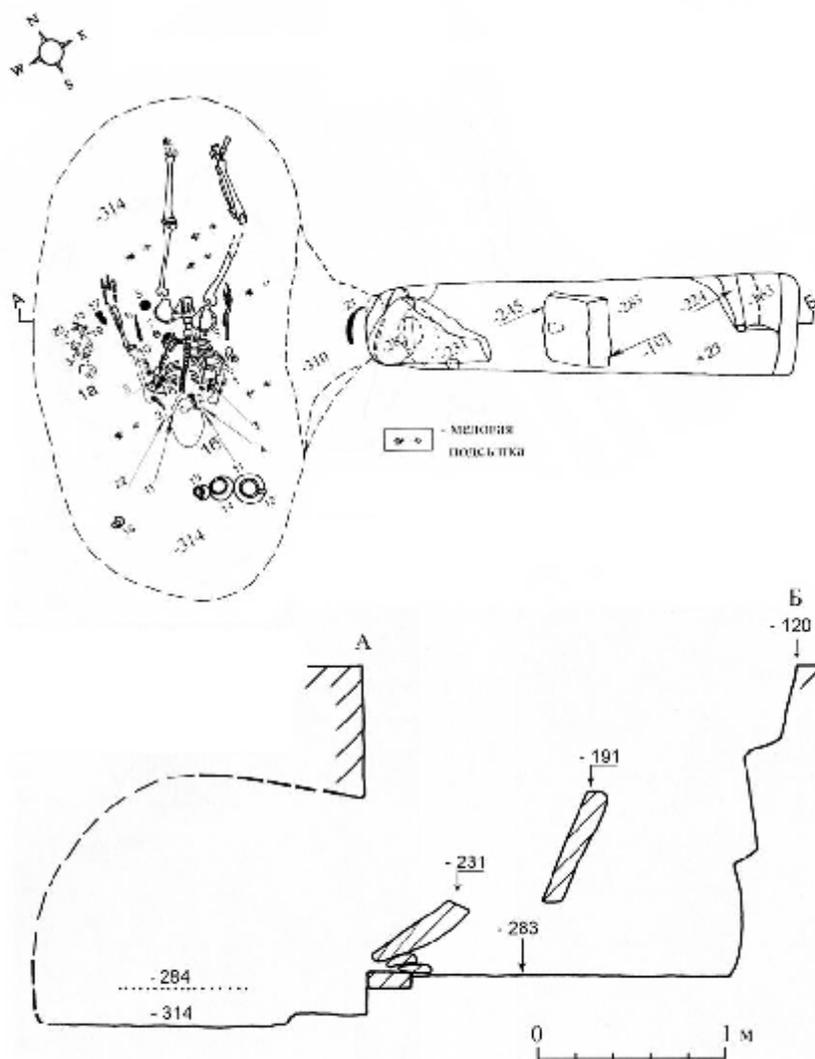

Рис. 19. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 193, п. 1а. Инвентарь.

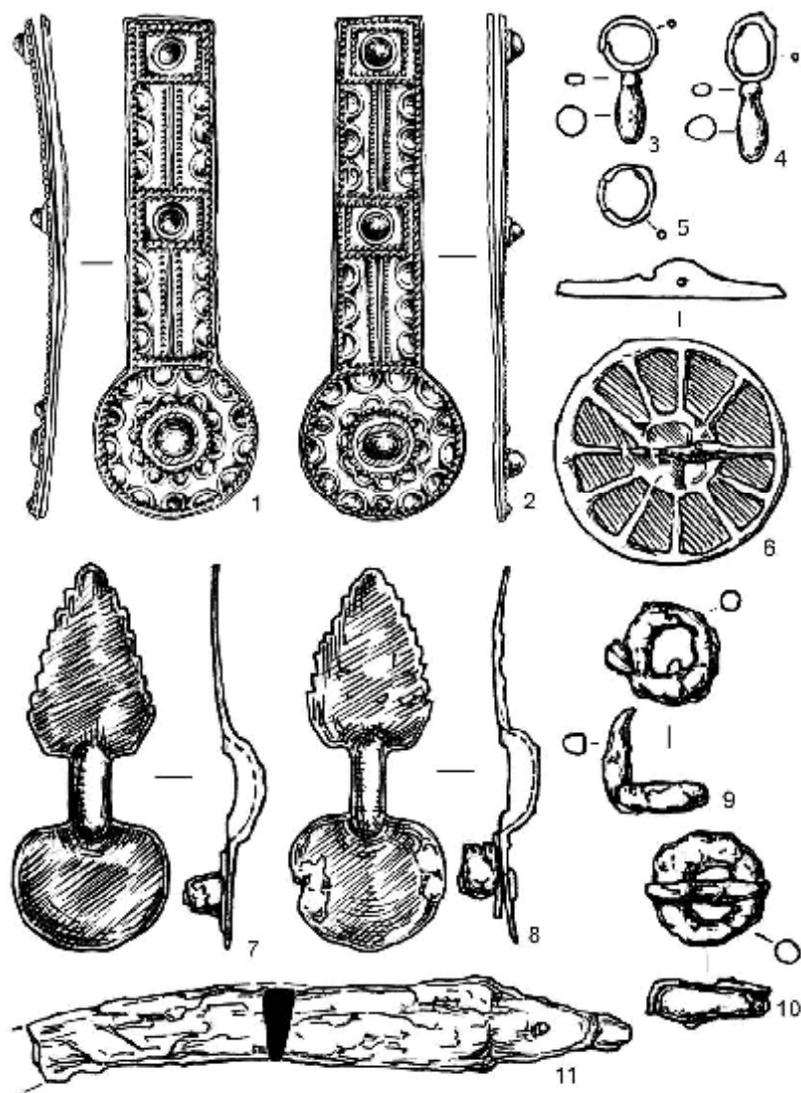

Рис. 20. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 193, п. 1а. Инвентарь (продолжение).

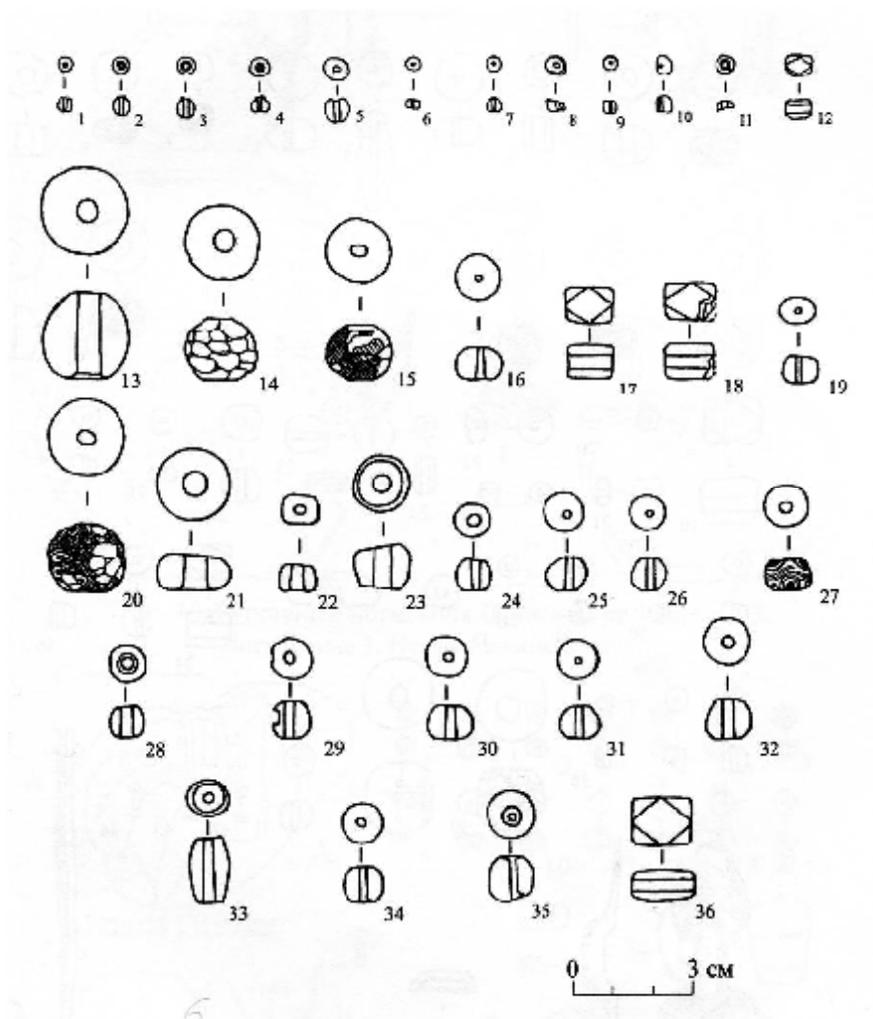

Рис. 21. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 193. Инвентарь (продолжение).
 1–38 – п. 1а; 39–47 – п. 1б.

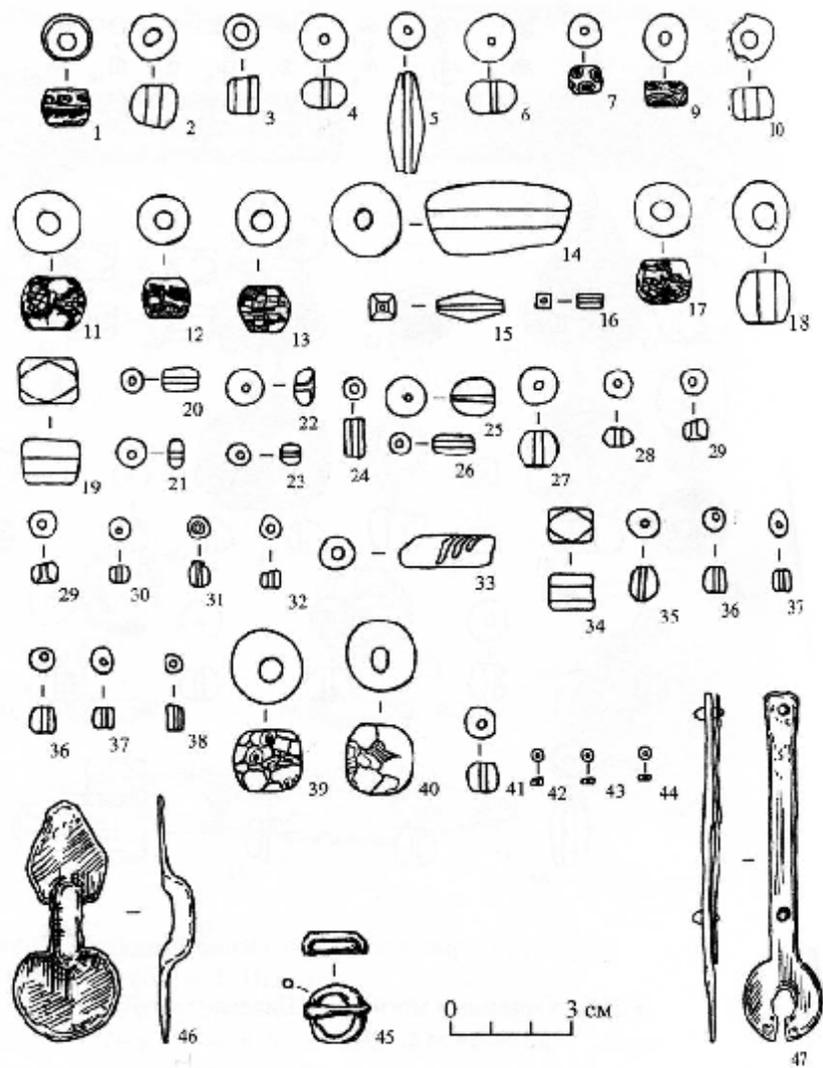

Рис. 22. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курган № 193. Инвентарь.
 1,3,4 – п. 1а; 2 – п. 1б.

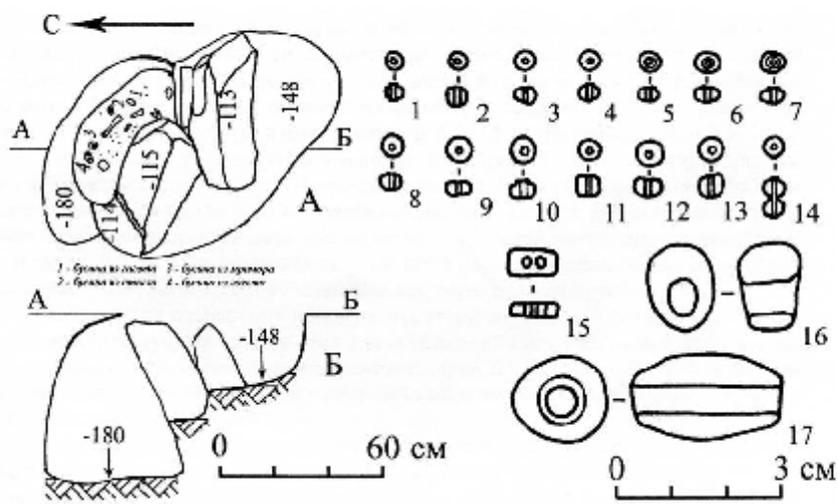
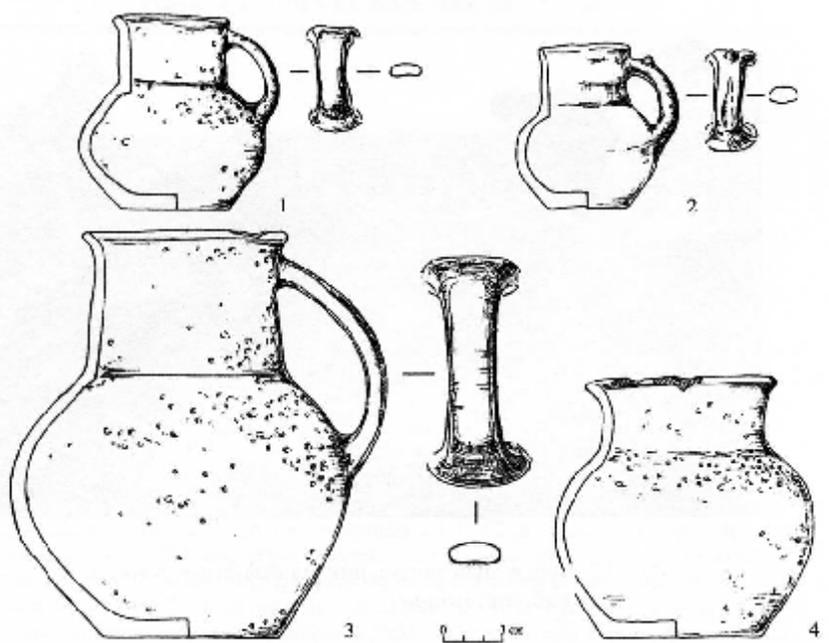

Рис. 23. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курган № 193, п. 2.

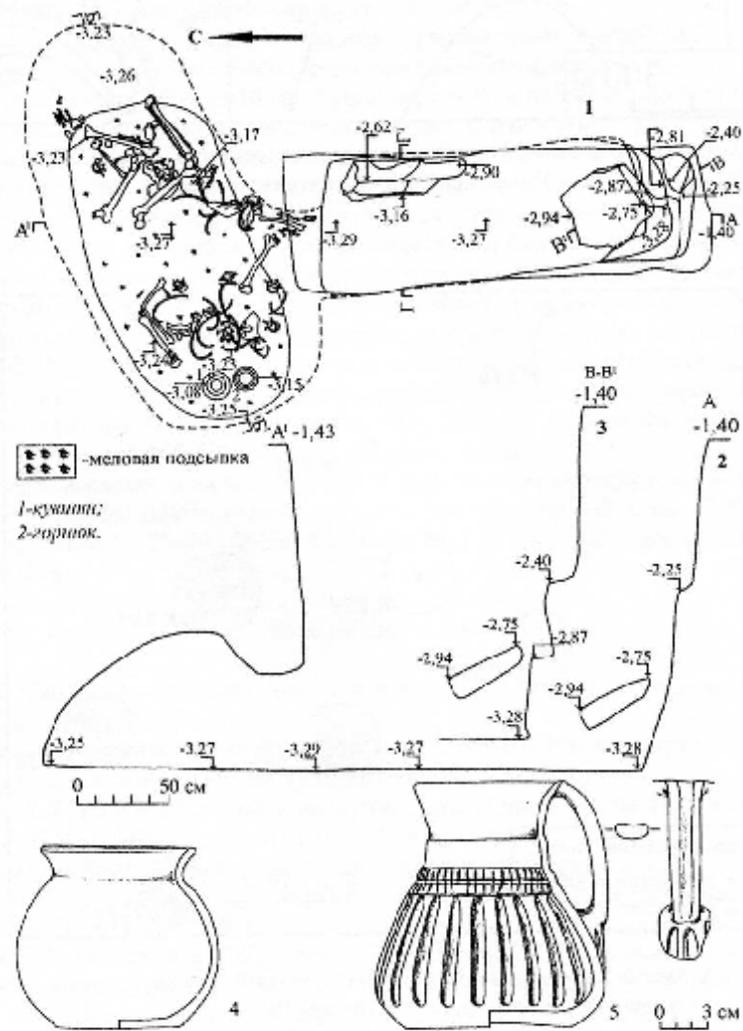

Рис. 24. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курганная группа № 1. Курган № 231.

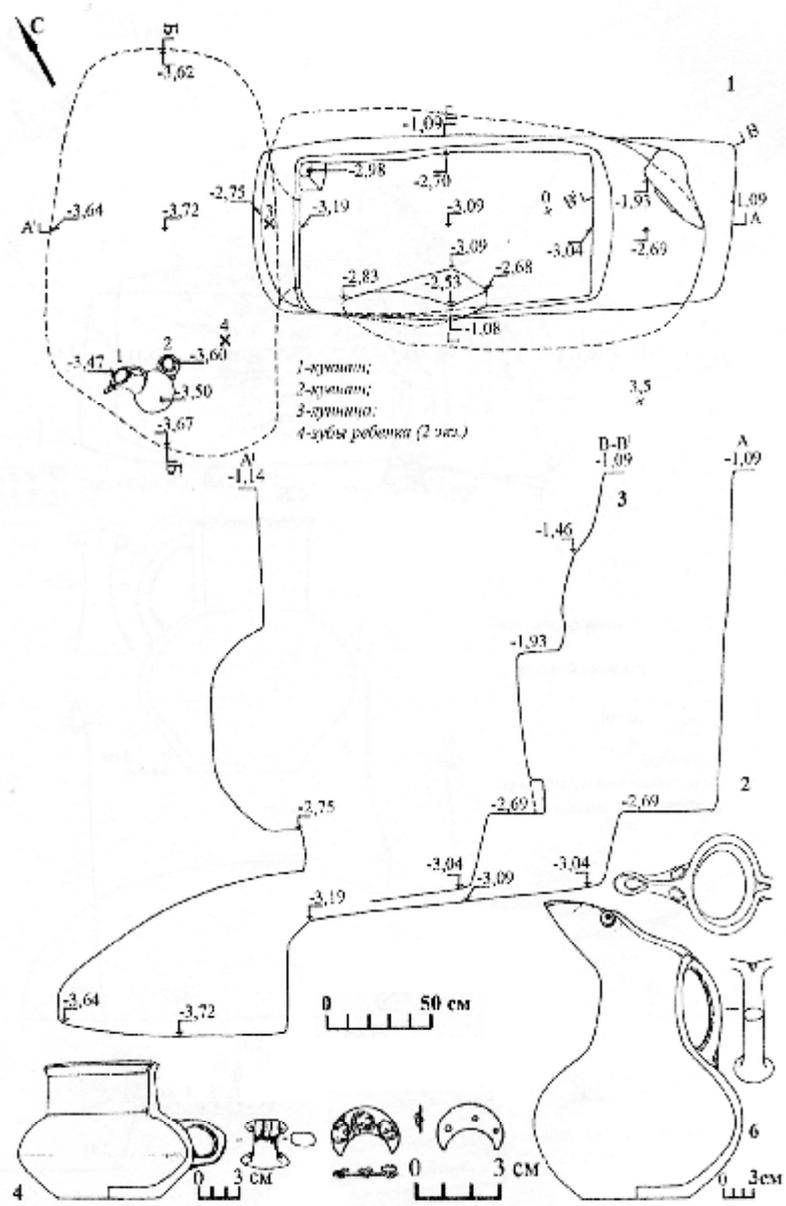

Рис. 25. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курганная группа № 1. Курган № 230. п. 1.

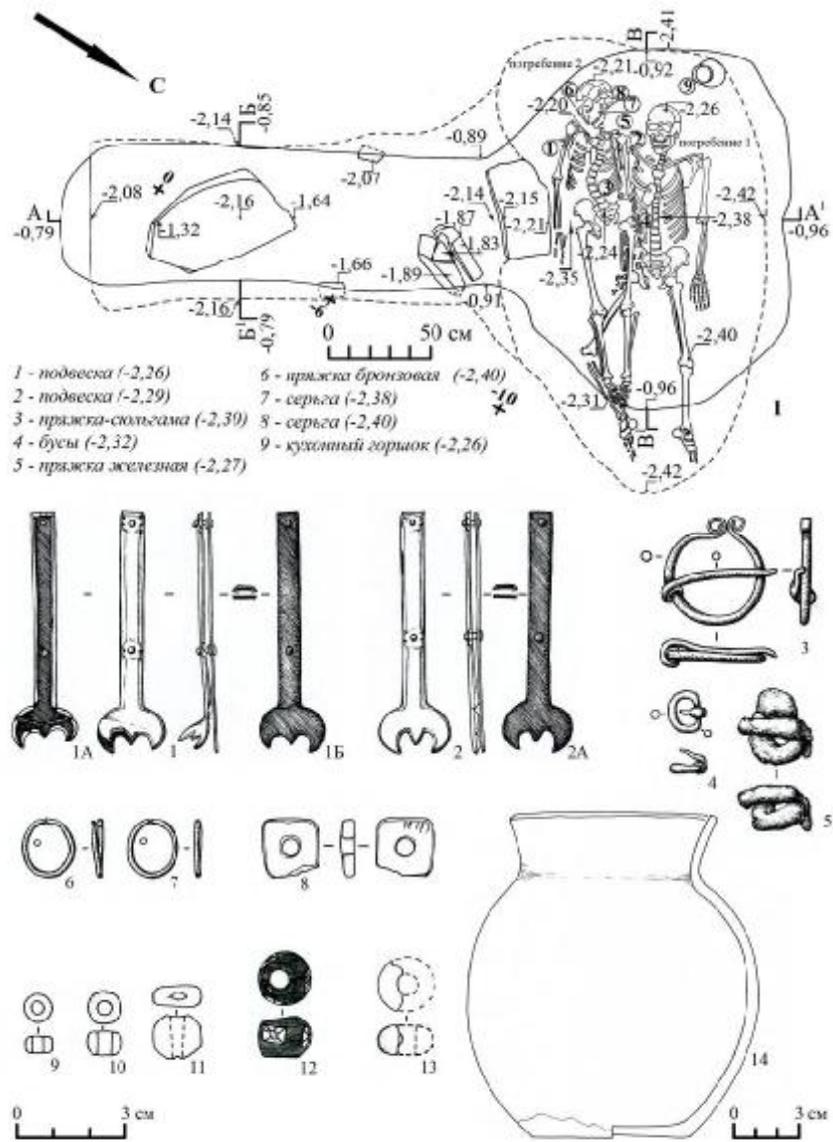

Рис. 26. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курганная группа № 2. Курган № 244.

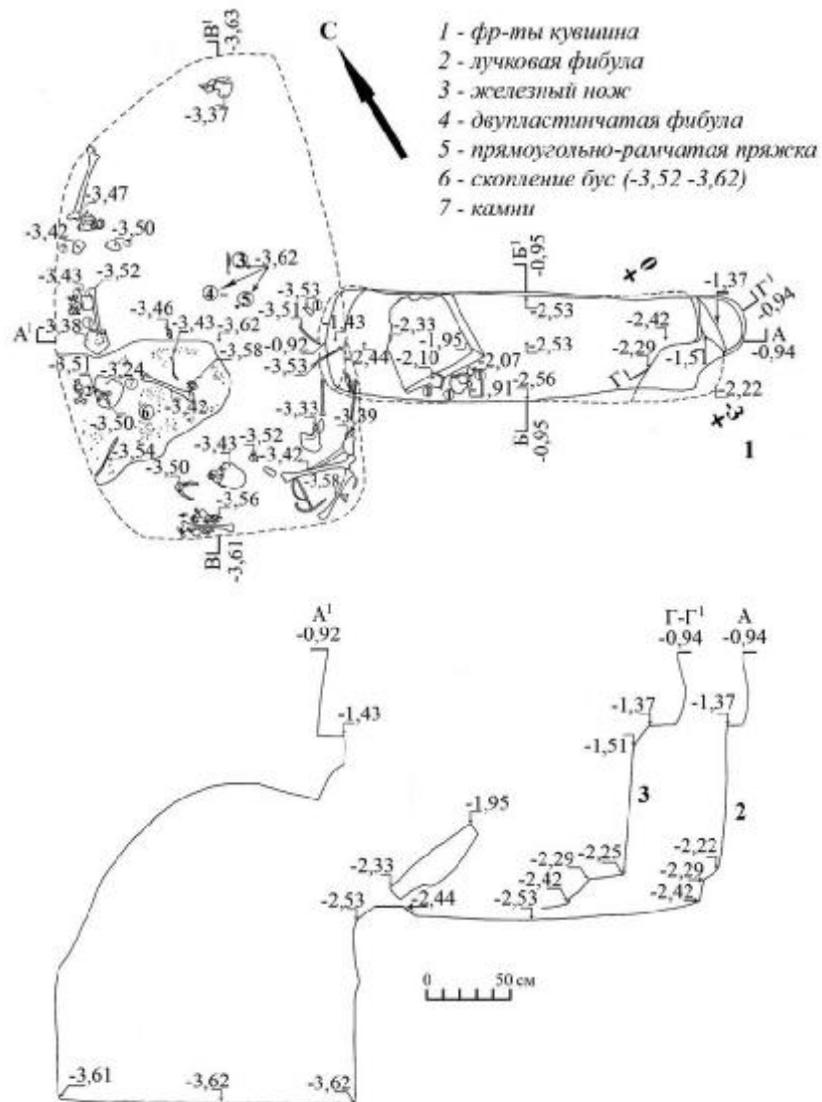

Рис. 27. Курганный могильник Паласа-сырт.
 Курганная группа № 2. Курган № 248.
 План и разрез погребения

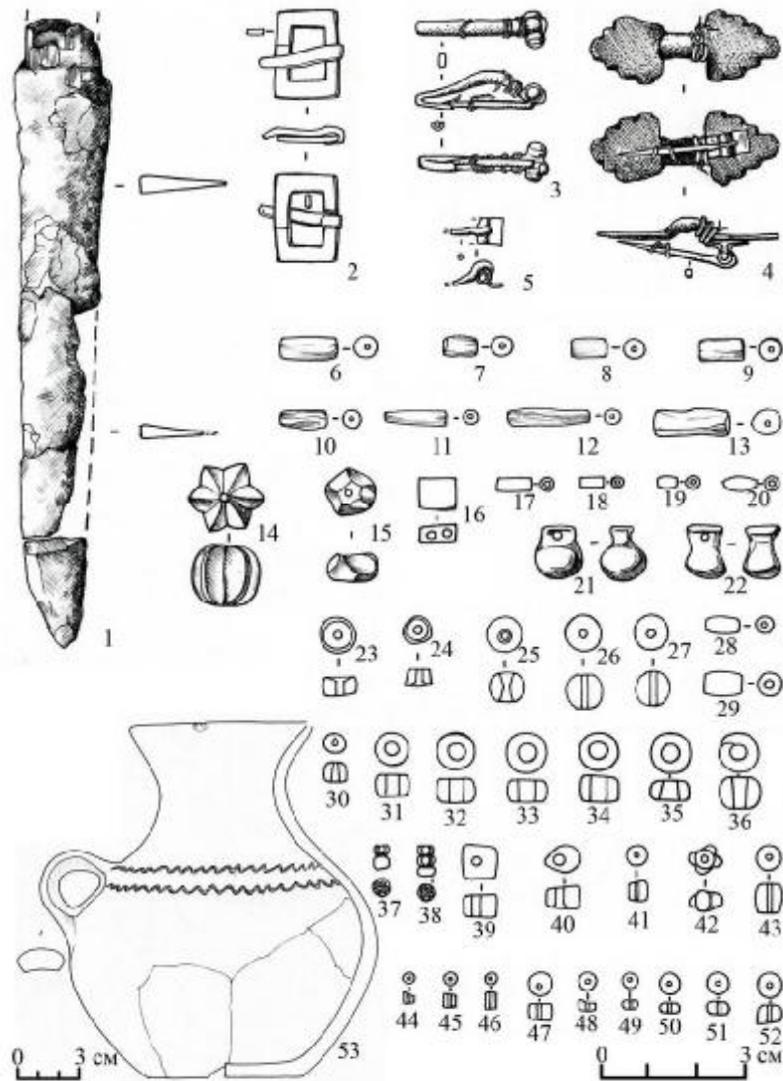

Рис. 28. Курганный могильник Паласа-сырт.
Курганная группа № 2. Курган № 248. Инвентарь.